

ЖИБЕК ТАМИРИС ЖОЛДЫБАЕВА

A movie poster for the film 'Snayper' (Sniper). The central image shows a man and a woman in a close embrace, nearly kissing. The man is on the left, wearing a dark leather jacket with a star on the collar. The woman is on the right, wearing a dark jacket and a scarf, with a sniper rifle slung over her shoulder. The background is a dramatic, war-torn cityscape with smoke, fire, and a red flag with a hammer and sickle and a star. The sky is filled with smoke and a few aircraft. The title 'Девушка' is written in a large, elegant, white script font, and 'СНАЙПЕР' is written in a large, bold, white block font with a red star above the 'И'.

Девушка СНАЙПЕР

Он учил ее не рисковать
жизнью ради одного.

Пока однажды этим одним
не стала она.

Zhibek Tamiris

Девушка-снайпер

«Автор»

2026

Tamiris Z. Z.

Девушка-снайпер / Z. Z. Tamiris — «Автор», 2026

В девять лет Сания потеряла семью во время голода в Казахстане. Спустя годы война снова заставляет ее жить рядом со смертью. Сания становится снайпером. Меткая, упрямая и почти безрассудная, она готова рисковать собой ради тех, кого еще можно спасти. Ведь собственной жизнью она давно не дорожит. Все меняется, когда ее новым напарником становится Николай Морозов. Опытный снайпер с репутацией труса уверен: на войне нельзя рисковать многими ради одного человека. Для Сании такой выбор равносителен предательству. Сания и Николай становятся соперниками раньше, чем учатся быть напарниками. Слишком упрямые, чтобы признать, что неприязнь и соперничество давно стали чем-то другим. Они слишком разные, чтобы доверять друг другу. Слишком похожи, чтобы оставаться равнодушными. И чем ближе они становятся, тем страшнее оказывается главный вопрос войны: что ты сделаешь, когда человеком, которого нельзя спасти любой ценой, станет тот, кого ты любишь?

© Tamiris Z. Z., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога	5
Глава 2. Трое	14
Глава 3. Белый халат	24
Глава 4. Список	30
Глава 5. Одна среди всех	35
Глава 6. Кладовая	44
Глава 7. Свидетель	53
Глава 8. До больницы	63
Глава 9. Полмиллиметра	74
Глава 10. Еще один выстрел	82
Глава 11. Наблюдатель	96
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Zhibek Tamiris

Девушка-снайпер

Глава 1. Дорога

Сания научилась определять время не по солнцу, а по тому, когда мать разрешала съесть следующую крошку.

Последняя лепешка лежала в свертке под ее одеждой. Мать разделила ее еще утром: немного на сегодняшний день, немного на завтра и совсем тонкий обломок на послезавтра. Девятилетняя Сания знала, где спрятана еда, и старалась не смотреть на это место, но взгляд все равно возвращался к едва заметному бугорку под материнским платьем.

Желудок сжимался так сильно, будто внутри кто-то медленно скручивал его обеими руками. Боль то поднималась к груди, мешая дышать, то отпускала, оставляя после себя пустоту. Тогда начинало кружиться в голове, темнело в глазах, а ноги становились чужими.

Раньше Сания думала, что самое страшное в голоде это боль.

Теперь она знала: страшнее, когда боль исчезает.

Человек перестает просить еду, злиться и жаловаться. Просто ложится, закрывает глаза и больше не хочет вставать. Так умер старик из соседнего дома. Так пропала девочка, с которой Сания еще прошлым летом бегала к реке. Ее нашли за сараем, свернувшейся на земле, словно она просто уснула.

Иногда Сания думала, что, если не проглотить крошку сразу, она никогда не закончится. Можно держать ее на языке, перекатывать во рту и представлять, будто еды много. Но крошка все равно растворялась, и пустота возвращалась.

Сания прижала ладонь к животу и продолжила идти, крепко держась другой рукой за мать. Пальцы матери были сухими и холодными, но она не отпускала дочь ни на шаг.

Впереди отец нес на спине пятилетнего Марлена. Мальчик обхватил его шею тонкими руками и уткнулся лицом между лопаток. Иногда он засыпал прямо на ходу, и тогда его голова начинала тяжело покачиваться из стороны в сторону.

Отец нарочно делал несколько неровных шагов, будто под ним спотыкалась лошадь.

— Держись крепче, всадник.

Марлен сонно обхватывал его шею.

— Я не упаду.

— Все так говорят, пока не оказываются в пыли.

Мальчик тихо смеялся ему в плечо. Даже теперь отец умел на несколько секунд заставить его забыть, что они голодны.

Через каждые несколько минут он останавливался, осторожно ставил Марлена на землю и говорил, что мальчику нужно немного пройти самому.

Сания понимала: отдых нужен был не брату.

За последние месяцы отец сильно изменился. Одежда висела на нем слишком свободно, плечи опустились, лицо заострилось. Раньше он одним движением поднимал тяжелый мешок и перекидывал через плечо. Иногда возвращался с охоты с зайцем или степной птицей, и мать готовила мясо на всю семью.

Теперь все, что можно было поймать возле аула, давно исчезло. Голодные люди выбили мелкую дичь или распугали ее далеко от жилья. Ружье отец еще зимой обменял на мешок муки, а последние патроны отдал за молоко для Марлена.

Перед ними тянулась сухая степная дорога. Ветер нес пыль, забивал ее в глаза и рот. Земля растрескалась, прошлогодняя трава почернела, а вокруг не было видно ни скота, ни людей, ни дыма от далекого жилья.

Марлен снова начал отставать. Отец остановился и присел перед ним.

— Залезай.

Мальчик обхватил его за шею.

— Мы скоро придем?

— Скоро.

— Ты вчера тоже говорил, что скоро.

Отец попытался улыбнуться.

— Значит, сегодня мы еще ближе.

Марлен немного подумал и кивнул, будто это объяснение его устроило.

Шел 1932 год. Казахстан входил в состав Советского Союза и официально назывался Казахской Автономной Советской Социалистической Республикой. В газетах писали о коллективизации, новом порядке и преобразовании степи. Людей заставляли вступать в колхозы, отдавать скот государству и отказываться от прежнего образа жизни.

Для семьи Сании эти слова означали пустой загон.

Сначала в аул приехали люди со списками. Они пересчитали лошадей, коров и овец. Сказали, что большое хозяйство не может принадлежать одной семье, что скот теперь станет общим и будет служить государству.

Отец долго спорил с ними.

Сания тогда еще не понимала, почему мать так крепко прижимает к себе Марлена и почему взрослые говорят вполголоса. Она только видела, как со двора выводят их животных.

Последней увели бурую корову.

Корова упиралась, не хотела идти и все время поворачивала голову на голос матери. Мать плакала молча, прикрыв рот краем платка. Через несколько недель в доме закончилось молоко. Потом не осталось мяса. Потом закончилась мука.

Заготовки продолжались даже тогда, когда людям уже нечего было отдавать. Из аулов вывозили зерно, последних животных и все, что еще можно было записать в план. Тех, кто пытался спрятать пищу или не хотел отдавать скот, называли врагами нового порядка.

Казахские семьи веками жили за счет скотоводства. Животные давали им мясо, молоко, одежду и тепло. Вместе со стадами люди переходили туда, где оставались вода и пастбища. Теперь их заставляли оседать на одном месте, хотя рядом не хватало ни корма, ни воды, ни возможности прокормиться.

Сания не знала слов «коллективизация» и «принудительное оседание».

Она знала людей со списками.

Знала пустой загон.

Знала, как мать все тоньше раскатывала тесто, пока однажды раскатывать стало нечего.

Сначала ели корни, траву, редких сусликов и птиц, если кому-то везло их поймать. Потом собирали остатки зерна, вываривали кости, кипятили старые кожаные ремни и части конской сбруи. Кожу держали в воде часами, пока она хоть немного не размягчалась. Отвар пах дымом, горечью и старым потом, но другого ужина уже не было.

Потом исчезли и ремни.

Аул начал пустеть.

Одни семьи уходили к железнодорожным станциям, надеясь забраться в товарный вагон. Другие направлялись к городам. Некоторые пытались перейти границу.

Многие не доходили.

Сания быстро научилась отличать живого человека от мертвого.

Живые двигались хотя бы немного. Прикрывали лицо от ветра, стонали, подтягивали ноги к животу.

Мертвые лежали слишком спокойно.

В первые дни дороги она считала тела. Сначала мужчина у высохшего колодца. Потом женщина, лежавшая на боку рядом с пустым мешком. Чуть дальше старик и мальчик, прижавшиеся друг к другу.

Потом Сания сбилась.

Несколько дней назад они прошли мимо женщины, сидевшей у высохшего арыка. Ее голова была запрокинута, глаза оставались открытыми. У груди копошился младенец. Он тянул губами ткань платья, искал молоко и сердито хныкал, не понимая, почему мать не прижимает его к себе.

Сания остановилась.

— Надо взять его.

Отец крепче сжал ее руку.

— Мы не донесем.

— Но он умрет.

Отец ничего не ответил.

Мать отвернулась и повела детей дальше. Плач младенца еще долго слышался за спиной.

После этого Сания перестала считать мертвых.

Их семья покинула аул четыре дня назад. Отец решил идти в Алма-Ату. Кто-то рассказывал, что в городе еще работают предприятия, мужчинам иногда дают работу, а возле железнодорожной станции можно получить хлеб.

Отец собирался наняться грузчиком.

Мать говорила, что сможет стирать чужое белье или готовить в чьем-нибудь доме.

Сания снова пойдет учиться.

Марлен больше не будет засыпать с вопросом, будет ли завтра еда.

Они повторяли этот план каждый день, пока он не начал звучать почти как воспоминание.

Будто в Алма-Ате их уже ждала маленькая комната.

Будто отец каждый вечер приносил хлеб.

Будто мать ставила на стол горячий чай.

Будто нужно было только дойти.

— А что ты купишь, когда найдешь работу? — спросила Сания.

— Сначала хлеб.

— Это понятно. А потом?

Отец задумался.

— Гребень твоей матери.

Мать, шедшая впереди, не обернулась.

— Мне не нужен гребень.

— Нужен.

— Сначала детям обувь.

— И обувь купим.

— И комнату снимем, — добавила Сания.

— И комнату.

— И три лепешки.

— Пять.

— Зачем пять?

— Одну съем сразу, пока вы не отобрали.

Мать покачала головой, но Сания заметила, как дрогнули уголки ее губ.

— А Марлен когда вырастет, станет выше тебя? — спросила Сания.

Отец немного приподнял мальчика на спине.

— Конечно.

— Нет. Ты самый высокий.

— Пока самый высокий.

— И самый сильный.

Отец ничего не ответил.

Сания заметила, как он отвернул лицо, скрывая тяжелое дыхание.

Отец всегда говорил, что у нее слишком серьезное лицо для девятилетней девочки. Когда Сания сердилась, он касался пальцем складки между ее бровями и уверял, что там однажды поселится маленькая старуха.

Сания каждый раз отталкивала его руку, а потом все равно смеялась.

Теперь отец снова потянулся к ее лицу, но рука остановилась на полпути. Тогда Сания сама наклонилась ближе, позволяя ему коснуться лба.

— Вот, — сказал он. — Уже прячется.

— Кто?

— Старуха.

— Никакой старухи нет.

— В Алма-Ате проверим.

Сания улыбнулась.

Мать остановилась и оглядела дорогу. Вдали никого не было. Она осторожно достала из-под одежды сверток.

Марлен сразу поднял голову.

Сания отвернулась, стараясь показать, что ей все равно. Но во рту уже собралась слюна, а желудок снова болезненно сжался.

Мать присела на землю и развернула ткань. Внутри лежал кусок сухой лепешки размером с ладонь. Она долго смотрела на него, словно пыталась решить, можно ли отломить еще меньше.

Потом разделила на четыре части.

Самый большой кусок протянула Марлену.

— Ешь медленно.

Он сразу поднес лепешку ко рту, но отец удержал его руку.

— Не глотай целиком. Подержи во рту.

Марлен послушно откусил маленький край.

Мать дала кусок Сании. Он был таким тонким, что через него проходил свет. Девочка положила лепешку на язык и несколько секунд не жевала. Сухая крошка царапала небо. Ей хотелось проглотить все сразу, но она заставила себя откусывать понемногу.

Мать взяла свою часть.

Последний кусок протянула отцу.

— Ешь.

Он покачал головой.

— Не хочу.

— Ты со вчерашнего дня ничего не ел.

— В городе поем.

— До города еще далеко.

Отец отвернулся.

— Не лезет.

Мать смотрела на него несколько секунд. Потом хотела завернуть кусок обратно, но он забрал лепешку и зажал в ладони.

Они снова двинулись в путь.

Отец посадил Марлена на спину. Сания шла рядом с матерью, чувствуя, как та время от времени сжимает ее пальцы, словно проверяет, что дочь еще здесь.

Через некоторое время отец остановился и поставил Марлена на землю. Сказал, что мальчику нужно немного пройти самому, но Сания заметила, как дрожат его колени.

Когда мать ушла на несколько шагов вперед, отец подозвал детей.

Свою лепешку он разломил пополам.

Одну часть протянул Марлену.

Вторую Сании.

— Возьми.

— Это твое.

— Теперь твое.

Марлен забрал хлеб, даже не спросив почему.

Сания не двигалась.

— Папа, ты тоже голодный.

— Я уже наелся.

Она посмотрела ему в лицо.

Отец улыбался, но губы дрожали.

— Ты врешь.

— Не говори матери.

Сания оглянулась. Мать шла немного впереди, но по тому, как напряглась ее спина, было ясно: она все слышала.

— Когда доберемся до Алма-Аты, я съем сразу две лепешки, — сказал отец.

— Один?

— Один.

— Не поделишься?

— Даже не попрошу прощения.

Сания слабо улыбнулась.

— Я все равно отберу.

— Тогда придется купить три. Одну тебе, одну Марлену и одну спрятать от вас обоих.

Он положил ладонь ей на голову.

На мгновение Сания увидела прежнего отца. Того, который возвращался домой и поднимал обоих детей на руки. Который носил Марлена на плечах, дразнил Санию маленькой старухой и обещал купить ей новую тетрадь, когда она снова пойдет в школу.

Она прижалась щекой к его рукаву.

Он пах пылью, потом и домом, которого больше не было.

К вечеру ветер стих. Дорога прошла между низкими холмами. Марлен снова сидел на спине у отца, обхватив его шею. Мать держала Санию за руку.

Сания первой почувствовала запах.

Мясо.

Настоящее мясо.

Запах был слабым, но она сразу его узнала. Желудок сжался так резко, что девочка невольно остановилась. Она вдохнула глубже.

Жареное мясо.

Где-то совсем рядом.

Марлен тоже поднял голову.

— Мама...

Мать уже почувствовала запах. На ее лице появилось то же выражение, что и у Сании: надежда, страх и голод одновременно.

Отец медленно повернулся в сторону холма.

За ним поднимался тонкий дым.

— Там люди, — сказал он.

— Может, у них есть еда, — прошептала мать.

Отец долго смотрел на дым. Потом перевел взгляд на детей.

— Пойдем осторожно.

Они свернули с дороги.

С каждым шагом запах становился сильнее. Сания почти перестала чувствовать усталость. Перед глазами стоял кусок мяса, теплый, мягкий, с жиром по краям. Она не могла вспомнить, когда ела его в последний раз.

За холмом горел небольшой костер.

Рядом сидели двое мужчин.

Один держал над огнем куски мяса, нанизанные на тонкую палку. Второй жевал, отрывая волокна зубами.

Они были худыми, почти такими же истощенными, как отец. Одежда на них превратилась в грязные лохмотья. Лица заросли щетиной, глаза глубоко запали.

Увидев семью, мужчины замерли.

Потом тот, что сидел у костра, улыбнулся.

— Идите сюда. Есть будете?

Сания почувствовала, как мать сильнее сжала ее руку.

Отец не ответил сразу.

— Дети давно не ели.

— Садитесь. На всех хватит.

Они подошли ближе.

Мясо шипело над огнем. Жир капал на угли, и пламя вспыхивало ярче. Запах был таким сильным, что у Сании закружилась голова.

Мужчина снял один кусок и протянул Марлену.

Отец быстро перехватил его.

— Горячее. Я остужу.

Марлен облизнул губы.

— Где нашли? — спросил отец.

Мужчина пожал плечами.

— Повезло.

Сания заметила, что отец смотрит не на костер.

За спиной мужчин, чуть дальше в траве, лежал сверток, накрытый старым одеялом. Из-под ткани выступал сапог.

Сания сначала решила, что там спит еще один человек.

Потом увидела руку.

Она лежала ладонью вверх. На безымянном пальце оставалось медное кольцо.

Сания перевела взгляд на мясо.

Потом снова на руку.

Внутри все похолодело.

Один из мужчин заметил ее взгляд и быстро натянул одеяло выше.

— Ешьте, пока горячее.

Отец посмотрел на Санию.

Ничего не сказал.

Но она поняла.

Марлен потянулся к мясу.

— Я хочу.

Отец сжал кусок в руке.

— Подожди.

— Почему?

— Остынет.

Мужчина протянул еще один кусок матери. Она взяла его, и ее пальцы задрожали.

Сания смотрела на мясо в материнской ладони и чувствовала, как желудок все равно требует его. Это испугало ее сильнее человеческой руки в траве. Разум уже понял, что лежит перед ней, но тело продолжало хотеть есть.

Марлен снова потянулся к еде.

Сания схватила его за руку.

— Не трогай.

— Почему?

Он посмотрел на нее, потом на руку за костром.

Его лицо изменилось.

— Это...

Он начал плакать.

Отец мгновенно прижал Марлена к себе и закрыл ему рот ладонью.

— Тихо.

Мальчик вырывался, но отец держал крепко.

Мужчина с ножом перестал жевать.

— Что с ним?

— Испугался чужих, — ответил отец.

— Пусть ест. Перестанет.

— Его тошнит.

Наступила тишина.

Сания слышала только треск огня и приглушенные всхлипы Марлена.

Мужчина с ножом долго смотрел на отца.

— Не нравится наша еда?

— Нравится.

Отец поднес мясо к губам и сделал вид, что откусил.

Мать повторила за ним, прикрыв рот ладонью.

Один из мужчин посмотрел на Санию.

— Ешь.

Она взяла кусок. Мясо было теплым. Жир остался на пальцах.

Сания поднесла его к губам.

Перед глазами снова появилась рука с медным кольцом.

Она сделала вид, что откусила, и спрятала кусок в рукаве.

Отец поднялся первым.

— Нам нужно идти. До темноты хотим добраться до воды.

— Уже уходите?

— Дети устали.

Мужчина у костра встал и подошел к накрытому телу. Он откинул одеяло.

Сания увидела лицо мертвого человека и обнаженную ногу, из которой был вырезан большой кусок.

Мужчина поднял лежавшую рядом отрубленную руку.

— Возьмите в дорогу.

Он протянул ее отцу.

Марлен задрожал.

Мать прижала его голову к себе.

Отец несколько секунд не двигался.

Потом протянул руку и взял человеческую кисть за запястье.

— Спасибо.

Они медленно отошли от костра.

Никто не оборачивался.

Сания чувствовала взгляд мужчин на спине. Отец нес руку рядом с собой, будто это был обычный кусок мяса. Марлен всхлипывал в материнское плечо.

— Не бегите, — едва слышно сказал отец. — Пока не скроемся.

Они шли медленно.

Каждый шаг давался Сании труднее предыдущего.

Ей казалось, что мужчины идут следом. Что сейчас за спиной раздастся крик или быстрые шаги.

За холмом костер исчез из виду.

Отец сразу отбросил руку.

— Бегите.

Сания сорвалась с места.

Мать схватила ее за руку и потянула за собой. Отец подхватил Марлена на руки и побежал следом, несколько раз оглядываясь назад.

Они бежали, пока у Сании не потемнело в глазах.

Ноги подкашивались, в груди горело, пыль забивалась в рот. Марлен плакал и крепко держался за шею отца.

Отец начал отставать.

— Быстрее! — крикнул он.

В его голосе еще оставалась прежняя твердость, и Сания послушалась. Она пробежала несколько шагов и только потом поняла, что больше не слышит его дыхания за спиной.

Она обернулась.

Отец стоял посреди дороги, все еще удерживая Марлена на руках. Казалось, он хотел сделать еще один шаг, но не мог вспомнить, как это делается.

— Папа?

Он медленно опустил мальчика на землю.

Марлен сразу потянулся обратно.

— Понеси меня еще.

Отец провел ладонью по его волосам.

— Немного пройдешь сам, всадник.

— Я устал.

— Я тоже.

Он попытался улыбнуться, но улыбка не удержалась на лице.

Потом его колени подогнулись.

Сания вырвала руку из ладони матери и бросилась к нему. Отец упал не сразу. Сначала опустился на колени, затем уперся ладонями в землю, будто еще мог остановить собственное падение.

— Все хорошо, — сказал он, не поднимая головы. — Просто отдохну.

Мать присела рядом и взяла его за плечо.

— Посмотри на меня.

Отец поднял голову. Лицо стало серым, губы посинели. По вискам стекал холодный пот, хотя вечер оставался теплым.

— До города еще далеко? — спросил он.

Мать ничего не ответила.

Сания достала из свертка завтрашний кусок лепешки.

— Папа, поешь.

— Оставь детям.

— Мы поделимся.

Она размочила крошку во рту и положила ему на язык.

— Проглоти.

Отец попытался. Горло едва заметно дернулось, но хлеб остался во рту.

— Еще раз, — потребовала Сания.

Он посмотрел на нее с таким удивлением, будто только сейчас заметил.

Потом медленно поднял руку и коснулся пальцем складки между ее бровями.

— Опять пришла, — прошептал он.

— Кто?

— Маленькая старуха.

Сания хотела улыбнуться, но губы не послушались.

— Ты обещал проверить в Алма-Ате.

— Значит, проверим.

Его рука соскользнула с ее лица.

Марлен опустился рядом и потянул отца за рукав.

— Давай еще в лошадь.

Отец не ответил.

— Папа, я крепко держаться буду.

Мать резко отвернулась.

Сания снова вложила крошку отцу в рот.

— Проглоти.

Он лежал с закрытыми глазами. Грудь под рубахой почти не двигалась, но Сания убедила себя, что просто не может разглядеть дыхание в темноте.

Она положила голову ему на грудь.

Сначала слышала только собственное сердце. Оно билось так громко, что заглушало все вокруг.

— Он просто спит, — сказала Сания.

Мать молчала.

— Папа всегда так спит.

Мать отвернулась.

Сания прижалась ухом сильнее.

Где-то далеко за холмом кричала птица. Ветер шевелил сухую траву. Марлен продолжал тихо просить отца понести его.

Но из-под отцовской рубахи не доносилось ничего.

Сания все равно не подняла головы.

Ей казалось, стоит подождать еще немного, и знакомый стук обязательно вернется.

Глава 2. Трое

Сания не спала почти всю ночь.

Она лежала рядом с отцом, положив ладонь ему на грудь, и ждала.

Иногда собственный пульс отдавался в кончиках пальцев, и ей казалось, что под отцовской рубахой что-то толкнулось в ответ. Тогда она замирала, старалась не дышать и ждала следующего удара.

Но ничего не происходило.

Через некоторое время она начинала ждать снова.

Мать сидела по другую сторону от отца и плакала всю ночь, не пряча лица, не отворачиваясь. Иногда закрывала глаза ладонями, иногда брала мужа за руку и подолгу держала ее в своих, иногда наклонялась к нему и что-то шептала, но Сания не могла разобрать слов.

Сания все видела.

И понимала.

Но запрещала себе понимать.

Мама плачет, потому что боится.

Потому что папе плохо.

Потому что они все устали.

Только не потому, что он умер.

Если отец умер, мать должна сказать.

Если отец умер, что-то должно измениться.

А вокруг ничего не менялось.

Ветер по-прежнему шевелил сухую траву, где-то далеко кричала птица, а Марлен спал рядом с матерью, свернувшись на боку и подтянув колени к животу. Несколько раз во сне он звал отца, и каждый раз мать начинала плакать сильнее.

Сания отворачивалась.

Если не смотреть на мать, можно было продолжать ждать.

Если не смотреть на лицо отца, можно было представить, что он просто спит.

Если не произносить слово, ничего еще не случилось.

Под утро стало холоднее. Сания придвинулась к отцу и прижалась плечом к его боку.

Он был холодным.

Она сказала себе, что это из-за ночи.

Когда небо начало светлеть, лицо отца постепенно проступило из темноты. За ночь оно изменилось: кожа стала серой, губы потеряли цвет, скулы заострились сильнее, чем вчера.

На его щеку села муха.

Сания быстро отогнала ее.

Через несколько секунд муха вернулась.

— Уходи.

Она махнула рукой. Муха поднялась и опустилась отцу на лоб.

— Уходи!

Сания снова прогнала ее.

Отец не пошевелился.

Она посмотрела на мать. Та все еще плакала.

И тогда все, что Сания отталкивала от себя всю ночь, вдруг оказалось слишком близко.

Она уже знала.

Но все равно сказала:

— Мама, разбуди его.

Мать подняла на нее опухшие от слез глаза.

— Сания... — Разбуди. — Доченька... — Мы должны идти.

Мать ничего не ответила. Сания почувствовала, как начинают дрожать руки.

— Скажи ему, чтобы вставал.

Мать закрыла лицо ладонью. Это оказалось страшнее любых слов.

Сания резко повернулась к отцу.

— Папа.

Она схватила его за плечо.

— Папа, вставай.

Потрясла. Его голова слегка качнулась.

— Вставай!

Мать поднялась.

— Сания... — Не трогай меня!

Она снова дернула отца за плечо.

— Папа! Хватит спать!

Сания ударила его ладонью по груди.

— Вставай! Ты обещал!

Мать схватила ее за руки. Сания начала вырываться.

— Пусти! — Сания! — Пусти меня!

Она уже кричала.

— Он не умер!

Мать обхватила ее обеими руками. Сания била ее по рукам, по груди, извивалась, пыталась снова добраться до отца.

— Ты врешь! — Сания... — Он не умер! — Я знаю. — Нет, не знаешь! — Знаю.

Голос матери сломался.

Сания остановилась. Впервые за эту ночь она по-настоящему посмотрела ей в лицо: красные глаза, опухшие веки, мокрые щеки, волосы, выбившиеся из-под платка и прилипшие к вискам.

Мать знала.

Она знала всю ночь.

Сания несколько секунд просто смотрела на нее. Потом закричала.

— Папа!

Крик ушел в степь.

Ответа не было.

Сания позвала его снова, еще громче, но голос быстро превратился в рыдание. Ноги перестали держать. Она обмякла в руках матери, и та опустилась вместе с ней на землю.

Они плакали вдвоем. Мать прижимала дочь к себе и сама не могла остановиться. Сания вцепилась пальцами в ее одежду и плакала до боли в груди, до икоты, до того момента, когда вдохнуть становилось труднее, чем кричать.

Марлен проснулся. Он сел и растерянно посмотрел сначала на мать, потом на Санию.

— Почему вы плачете?

Мать услышала его и будто вспомнила, что рядом есть еще один ребенок. Она провела ладонями по лицу, несколько раз глубоко вдохнула. Руки все еще дрожали.

— Мама?

Марлен посмотрел на отца.

— Папа еще спит?

Мать взглянула на Санию. Несколько секунд они молчали.

Сания поняла, что сейчас мать соврет.

И ничего не сказала.

— Папа очень устал. — Он с нами пойдет?

Мать сглотнула.

— Мы пойдем немного вперед. — А папа? — Потом нас догонит.

Марлен нахмурился.

— Точно? — Точно. — Он знает дорогу? — Знает. — А если потеряется?

На лице матери появилась слабая улыбка.

— Твой папа никогда не теряется.

Марлен еще немного смотрел на отца. Потом кивнул. Для пятилетнего мальчика этого оказалось достаточно.

Сания отвернулась. Ей хотелось сказать правду, хотелось закричать, что отец больше никогда не встанет, не посадит Марлена на спину и не назовет его всадником. Но она посмотрела на спокойное лицо брата и промолчала.

Мать еще некоторое время сидела рядом с мужем. Взяла его руку, провела пальцами по костяшкам, поправила ворот рубахи и смахнула пыль со щеки. Потом наклонилась и прижалась лбом к его лбу.

Сания услышала одно слово.

— Прости.

Мать поднялась не сразу. Когда она наконец встала, ноги слегка подогнулись. Она вытерла лицо краем платка и посмотрела на детей.

— Нам надо его похоронить.

Сания не сразу поняла.

— Здесь? — Здесь. — Но Марлену ты сказала, что он нас догонит.

Мать закрыла глаза.

Сания почувствовала, что снова начинает плакать.

— Если мы его закопаем, как он нас догонит? — Не надо, Сания. — Как?

Мать подошла и взяла ее лицо ладонями.

— Посмотри на меня.

Сания отвернулась.

— Сания.

Она подняла глаза. Мать снова плакала.

— Я тоже не хочу уходить.

Она посмотрела на мужа.

— Я хочу остаться рядом с ним. Хочу лечь здесь и никуда больше не идти.

Сания всхлипнула. Мать погладила ее по волосам.

— Но у меня есть ты. И Марлен.

Она посмотрела на сына.

— Теперь я должна довести вас. — Куда? — В Алма-Ату. — Я хочу домой.

Мать зажмурилась.

— Дома больше нет.

Эти слова прозвучали почти шепотом.

Сания ничего не ответила. Мать взяла ее за руку.

— Я одна не справлюсь. Поможешь?

Сания посмотрела на отца. Потом кивнула.

У них не было лопаты. Мать отошла немного от дороги и долго искала место, где земля была мягче, наконец остановилась между двумя низкими холмами, нашла широкий плоский камень и начала разбивать им верхний слой земли.

Сания взяла другой.

Сначала они пытались копать камнями. Потом руками. Земля была сухой и плотной, крошилась небольшими комьями, забивалась под ногти, царапала пальцы. Скоро кожа возле ногтей у Сании разорвалась и выступила кровь.

Она вытерла руку о платье.

Продолжила.

Мать работала рядом. Иногда ее плечи начинали дрожать, и Сания не могла понять, плачет она или просто выбилась из сил. Несколько раз мать останавливалась, сидела неподвижно, смотрела на яму. Потом снова брала камень.

Они копали столько, сколько могли.

Яма получилась неглубокой. Гораздо мельче, чем должна была быть могила. Сания поняла это по лицу матери. Та несколько раз попробовала углубить яму еще, но земля становилась тверже, а руки уже не слушались.

Наконец мать опустила камень.

— Хватит.

Сания посмотрела вниз.

— Она маленькая. — Я знаю. — Надо еще.

Мать показала ладони. Кожа была содрана, между пальцами засохла земля.

— Мы сделали сколько смогли.

Сании не нравились эти слова. Но больше делать было нечего. У них не было лопаты, не было сил, не было никого, кто мог бы помочь. И почти не осталось еды.

Они подошли к отцу. Мать начала снимать с него верхнюю одежду.

Сания сразу схватила ее за запястье.

— Не надо. — Она понадобится нам ночью. — Это папино. — Я знаю. — Оставь ему.

Мать остановилась.

— Ему будет холодно.

Мать глубоко вдохнула.

— Ему уже не холодно.

Сания отвернулась. Эту правду она ненавидела почти так же сильно, как саму смерть.

Они завернули отца в старое покрывало. Мать попыталась поднять его одна, но не смогла.

Сания вцепилась в ткань, и вдвоем они медленно перетащили тело к могиле.

Отец оказался тяжелее, чем Сания ожидала. Ей казалось неправильным, что человек, который уже ничего не чувствует, все еще может быть таким тяжелым.

Марлен подошел ближе.

— Что вы делаете?

Мать сразу встала так, чтобы он не видел яму.

— Папа останется здесь отдыхать. — А потом догонит?

Мать кивнула.

— Потом. — Тогда зачем вы его туда кладете?

Мать замолчала.

— Так ему будет спокойнее.

Марлен подошел еще ближе.

— А вы его засыпете?

Сания закрыла рот рукой.

— Немного, — сказала мать. — Не надо. — Надо. — А как он вылезет?

Мать несколько секунд смотрела на сына. Потом присела перед ним и прижала к себе.

— Он нас найдет.

Марлен обнял ее за шею. Сания отвернулась.

Они опустили отца в неглубокую яму. Первую горсть земли бросила мать.

Сания долго не могла заставить себя сделать то же самое. Она смотрела на покрывало. Где-то под ним было лицо отца. Те самые руки, которыми он еще вчера держал Марлена. Пальцы, которыми касался складки между ее бровями. Голос, который обещал им хлеб и комнату в Алма-Ате.

Сания набрала горсть земли. Разжала пальцы.

Земля упала на покрывало.

Марлен заплакал.

Слой получился слишком тонким. Мать велела детям искать камни. Сания носила те, которые могла поднять обеими руками, Марлен приносил маленькие, большие мать укладывала сама.

Они закрывали могилу один камень за другим. Так было надежнее. Сания не спрашивала зачем.

В степи были животные. Были голодные собаки. Были люди. После вчерашнего дня она уже знала, что голод может сделать с человеком.

Поэтому сама принесла еще один камень.

Потом еще один.

Когда земля почти полностью скрылась под ними, мать опустилась рядом с могилой, положила ладонь на верхний камень и снова заплакала.

Сания села рядом.

Некоторое время они просто плакали. Марлен устроился между ними, не понимая, почему мать и сестра так горюют, если отец потом должен их догнать.

Сания посмотрела на могилу. Вдруг ей стало страшно.

— Мама. — Что? — А если мы не найдем его потом?

Мать вытерла щеку.

— Найдем. — А если забудем? — Не забудем.

Сания начала запоминать. Дорога изгибалась вправо. По одну сторону был низкий холм. Чуть дальше рос сухой куст. У края могилы лежали два особенно больших светлых камня.

Она повторила про себя: дорога, холм, куст, два камня.

Потом еще раз.

И еще.

Мать поднялась.

— Пора.

Сания осталась сидеть.

— Я не хочу. — Знаю. — Можно еще немного?

Мать посмотрела на небо. Потом снова опустилась рядом с дочерью. Они просидели еще несколько минут. Только потом мать сказала:

— Теперь надо идти.

Сания поднялась. Взяла Марлена за руку.

Их стало трое.

Первый день без отца оказался длиннее всех предыдущих. Раньше, когда Марлен уставал, отец останавливался перед ним и приседал.

— Залезай.

Теперь мальчик шел сам. Через несколько часов он начал плакать и проситься на руки. Мать подняла его, прошла немного, поставила на землю. Через несколько минут Марлен снова потянул к ней руки. Мать подхватила его, но Сания увидела, как подогнулись ее колени.

— Поставь его. — Он устал. — Ты тоже.

Мать посмотрела на дочь. Сания протянула брату руку.

— Я его поведу.

Марлен упрямо покачал головой.

— Я к маме. — Мама рядом. — Я устал. — Я тоже. — Ноги болят. — У меня тоже.

Он посмотрел на нее с обидой.

— Папа бы понес.

Сания почувствовала, как внутри снова что-то сжалось.

— Папа...

Она замолчала. Мать посмотрела на нее. Сания сглотнула.

— Папа потом нас догонит.

Марлен кивнул и пошел.

Теперь лгали обе.

Вечером они ночевали у дороги вместе с несколькими другими семьями. На следующий день снова шли. Марлен несколько раз спрашивал, не видно ли отца.

Мать каждый раз оборачивалась.

— Пока нет.

На третий день он спросил:

— Почему папа так долго? — Ему трудно идти, — ответила мать. — Он тоже устал?

Мать отвернулась.

— Да.

На четвертый день Марлен больше не спросил. Сания заметила это только вечером, и почему-то именно тогда ей снова захотелось плакать.

Через пять дней после смерти отца они увидели первые дома Алма-Аты.

Сания сначала не поверила. Она столько раз представляла этот момент, что настоящий город показался ей неправильным. Отец говорил об Алма-Ате как о месте, где можно найти работу, где возле станции дают хлеб, где они снимут комнату, где мать поставит на стол горячий чай, где Сания снова пойдет учиться. В ее голове город давно перестал быть настоящим местом. Он стал обещанием.

Но обещание пахло не хлебом. Оно пахло дымом, грязной одеждой, потом и чем-то кислым.

Чем ближе они подходили к станции, тем больше становилось людей. Некоторые сидели вдоль стен, прислонившись друг к другу. Другие лежали прямо на земле. Женщина с младенцем на руках протягивала прохожим ладонь. Несколько мальчиков рылись возле телеги, подбирая что-то из грязи. Старик сидел у стены с закрытыми глазами, рядом женщина трясла его за плечо.

Сания отвела взгляд. Она уже знала, что означает такая неподвижность.

Кто-то кашлял. Кто-то плакал. Кто-то ходил среди людей и снова и снова выкрикивал одно имя.

Рядом проезжали телеги, рабочие переносили ящики и мешки, из здания станции выходили люди в чистой одежде и куда-то торопились. Сания смотрела на них с недоумением. Один мужчина нес под мышкой сверток, сквозь ткань пахло хлебом. Он даже не посмотрел на людей у стены.

Сании стало обидно. Как можно просто идти по своим делам, когда рядом кто-то умирает?

Марлен тоже почувствовал запах.

— Мама.

Мать крепче взяла его за руку.

— Я вижу.

Они не знали, куда идти дальше. План отца заканчивался здесь: добраться до Алма-Аты, найти станцию, найти хлеб. Что делать после этого, он не успел объяснить.

Мать остановила мужчину в рабочей одежде.

— Скажите, где здесь принимают откочевников?

Он оглядел их. По одежде, лицам и детям сразу понял, кто они.

— Питательный пункт.

Он показал рукой.

— Вон очередь.

Сания повернула голову. Люди тянулись вдоль стены, с детьми, с узлами, почти без вещей. Кого-то поддерживали под руки, одного мужчину несли двое других.

Они встали в конец.

Очередь двигалась медленно. Марлен несколько раз садился прямо на землю. Мать становилась все бледнее.

Сания заметила это.

— Мама. — Что? — Тебе плохо? — Нет. — Ты белая. — Просто устала.

Сания сразу вспомнила отца.

Просто отдохну.

Она сильнее сжала материнскую руку.

— Не садись.

Мать удивленно посмотрела на нее.

— Почему? — Просто не садись.

Мать несколько секунд молчала. Потом сжала ее пальцы в ответ.

— Хорошо.

Возле входа стоял стол, за ним сидели люди с бумагами. Сания слышала одни и те же вопросы. Фамилия. Откуда прибыли. Сколько детей. Есть ли муж. Может ли взрослый работать. Больных направляли отдельно. Детей без родителей уводили в другое помещение.

В какой-то момент Сания увидела мальчика примерно возраста Марлена. Он вцепился обеими руками в одежду женщины, лежавшей возле стены. Работник пытался разжать его пальцы.

— Мама!

Мальчик бил его руками.

— Мама!

Другой человек поднял ребенка и понес к зданию. Он кричал и тянулся назад.

Сания сразу схватила Марлена.

— Куда его?

Мать посмотрела вслед.

— В детприемник, наверное. — Зачем? — Наверное, у него никого не осталось.

Сания прижала брата ближе.

— Я туда не пойду. — Не пойдешь. — И Марлен. — И Марлен. — Обещаешь?

Мать посмотрела ей в глаза.

— Пока я рядом, вы будете вместе.

Подошла их очередь. Мужчина за столом поднял голову.

— Фамилия?

Мать ответила. Он записал.

— Откуда прибыли?

Она назвала аул.

— Муж?

Мать замолчала. Всего на секунду. Но Сания заметила.

— Умер в дороге.

Карандаш заскреб по бумаге. Мужчина ничего не сказал, просто записал.

Сания смотрела на его руку. Еще пять дней назад отец нес Марлена на спине, шутил и обещал купить пять лепешек. Теперь от всего этого осталось несколько слов на бумаге.

Умер в дороге.

Работник уже задавал следующий вопрос.

— Дети ваши? — Мои. — Возраст? — Девять и пять. — Работать сможете? — Смогу.

Сания повернулась к матери. Та держалась рукой за край стола.

— Какая работа? — Любая.

Мужчина посмотрел на нее внимательнее. Мать хотела что-то сказать и вдруг качнулась. Сания увидела, как пальцы соскользнули с края стола.

— Мама?

Мать упала.

Сания снова увидела дорогу. Отца, который опустился на колени. Его ладони на земле. Просто отдохну.

— Мама!

Она бросилась к ней.

— Мама, вставай!

Кто-то схватил Санию за плечи.

— Отойди. — Не трогайте ее! — Девочка, дай место. — Мама!

Подошла женщина, опустилась рядом с матерью, коснулась ее шеи, потом наклонилась к лицу.

Сания смотрела только на нее.

— Она умерла? — Нет. — Откуда вы знаете?

Женщина быстро посмотрела на Санию.

— Дышит.

Одного слова оказалось достаточно.

Дышит.

Сания перестала вырываться. Мать подняли и понесли внутрь. Сания пошла следом.

Марлен плакал.

— А мама нас догонит?

Сания остановилась.

Те же слова.

Она посмотрела на брата. Потом на мать, которую уносили.

— Она идет с нами.

Марлен схватил ее за руку.

Через некоторое время мать открыла глаза. Она лежала на узкой койке, возле нее стояла кружка с водой. Сания сидела рядом, Марлен уснул, положив голову ей на колени.

Мать моргнула. Несколько секунд смотрела перед собой, будто не понимала, где находится. Потом резко повернула голову.

— Дети? — Здесь.

Сания подалась ближе. Мать увидела Марлена, потом дочь. Лицо сразу расслабилось. Она закрыла глаза.

Сания взяла ее за руку.

— Ты не умрешь?

Мать снова посмотрела на нее.

— Нет. — Точно?

Мать чуть сильнее сжала ее пальцы.

— Точно.

Сания поверила.

Позже им принесли еду: жидкую горячую похлебку и хлеб. Настоящий ломоть. Марлен схватил его обеими руками и сразу поднес ко рту.

Сания остановила его.

— Медленно.

Он посмотрел на нее.

— Не глотай сразу. Подержи во рту.

Марлен послушно откусил маленький кусок.

Сания замерла. Она не сразу поняла, откуда взялись эти слова. Потом вспомнила.

Отец сидит на дороге. Держит Марлена за руку.

Не глотай целиком. Подержи во рту.

Сания опустила глаза. Взяла свой хлеб. Он был мягче той сухой лепешки, которую они делили в дороге.

Она отломила немного.

Остальное завернула в ткань.

Женщина, раздававшая еду, заметила.

— Можешь съесть. — Это на завтра. — Завтра еще дадут.

Сания продолжала заворачивать.

Женщина улыбнулась устало.

— Дадут.

Сания посмотрела на нее. Она не знала эту женщину. Не знала, кто будет здесь завтра. Не знала, изменятся ли правила. Не знала, останется ли еда.

Поэтому спрятала хлеб под одежду. Туда же, где мать раньше прятала последнюю лепешку.

Мать наблюдала с койки. Но ничего не сказала.

Вечером им объяснили, что несколько дней мать сможет оставаться среди истощенных и больных, а если станет лучше, ее зарегистрируют как трудоспособную и решат, куда направить на работу.

Сания поняла далеко не все. Но главное было понятно.

Сегодня их не выгонят.

Сегодня у них есть крыша.

Сегодня Марлен ел.

Сегодня мать дышала.

Этого оказалось достаточно.

Ночью в помещении было тесно. Люди кашляли, кто-то стонал, кто-то разговаривал во сне, за стеной плакал ребенок. Воздух был тяжелым, пахло влажной одеждой, телами, похлебкой и лекарствами.

Но здесь не было ветра.

Сания лежала рядом с Марленом. Мать спала на койке неподалеку.

Сания достала хлеб. Развернула ткань. Проверила.

Он был на месте.

Потом снова завернула.

— Сания?

Марлен еще не спал.

— Что? — Мы уже в Алма-Ате? — Да. — Правда? — Правда.

Он немного помолчал.

— Значит, дошли?

Сания посмотрела на мать. Потом на хлеб в своих руках.

Отец говорил, что в Алма-Ате найдет работу. Что снимет комнату. Что купит матери гребень. Что они будут есть хлеб. Что Марлен больше не станет спрашивать, будет ли завтра еда.

Он был прав. Здесь действительно дали хлеб.

— Дошли, — сказала Сания.

Марлен улыбнулся. Потом спросил:

— А папа знает, где мы?

Сания долго смотрела в темноту. Еще утром она не понимала, как мать могла сказать ему неправду. Теперь рядом лежал пятилетний Марлен и ждал ее ответа.

— Знает. — Тогда он нас найдет.

Сания закрыла глаза.

— Да.

Марлен успокоился и вскоре уснул.

Сания еще долго лежала рядом с ним и смотрела в темноту.

Утром она не понимала, как мать смогла ему солгать.

Теперь сама сказала то же самое.

Глава 3. Белый халат

Сания проснулась и не сразу поняла, что не так.

Живот не болел.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь к себе, будто боль могла прятаться и вот-вот вернуться. Но внутри было тихо. Впервые за много недель сон был просто сном, а не провалом в темноту от слабости.

Прошло уже около месяца с того дня, когда работник у стола записал про отца два слова. За это время многое изменилось, хотя ни Сания, ни Марлен не смогли бы сказать, в какой именно день.

У них появилось место для сна: угол в бараке при питательном пункте, отгороженный ситцевой занавеской от других семей. Появилась еда, не досыта, но каждый день. Появилась крыша, под которой не свистел ветер.

Марлен перестал спрашивать, будет ли завтра еда.

Мать оправилась настолько, что ее поставили на работу при медицинском пункте. Сначала это была самая простая санитарная работа: носить воду, менять белье, мыть полы между койками, помогать поднимать тех, кто сам не мог встать. Она уходила рано утром и возвращалась к вечеру, пахнувшая карболкой и чужой болезнью, и первое время просто ложилась и закрывала глаза, не в силах даже поест.

Но с каждой неделей она возвращалась чуть менее серой.

Именно тогда в их жизни появилась Анна Петровна.

Она заведовала хозяйством при медицинском пункте, женщина лет сорока с прямой спиной и голосом, который не повышался, даже когда вокруг кричали. В первые дни она просто показывала матери, где что лежит и как правильно свернуть бинт. Потом стала оставлять для детей лишнюю порцию каши, если оставалась. Потом однажды, увидев, как Сания сторожит у входа, пока мать заканчивает смену, вынесла ей табурет.

— Садись. Она еще час провозится.

Сания молча села.

— Ты старшая?

— Да.

— Присматриваешь за братом?

— Да.

Анна Петровна посмотрела на нее чуть дольше, чем нужно для обычного разговора, потом кивнула, будто что-то для себя решила, и ушла заниматься делами. Она не

была ласковой. Но она была надежной, а после дороги, после ямы с камнями, после очереди у стола Сания научилась ценить именно это.

Через несколько недель, когда в пункте не хватало рук, а мать показала, что умеет быстро учиться и не боится крови, ее начали понемногу учить: как менять повязку, как считать пульс, как готовить раствор для промывания ран. Мать училась жадно, будто это давало ей что-то большее, чем просто новую работу.

Дома, за занавеской, к семье тоже стало возвращаться что-то похожее на жизнь.

Марлен снова начал смеяться, чаще всего беспричинно, просто оттого, что живот был полон, а рядом никто не плакал. Сания стала думать не только о том, чтобы дожить до вечера, но и о вещах, которые совсем недавно казались из другой жизни: о школе, о буквах, о том, помнит ли она еще, как держать карандаш.

Мать тоже смеялась.

Первый раз это случилось из-за какой-то мелочи, кто-то из соседей уронил ведро и облился, и мать вдруг рассмеялась так, что закрыла лицо руками, а Сания замерла, не сразу узнав этот звук.

Ей казалось, что она забыла его.

Однажды вечером мать вернулась не в своей обычной кофте, а в белом медицинском халате, который ей выдали для работы в отделении. Он был велик, рукава пришлось подвернуть, но она стояла в дверях, будто в новом платье, и на секунду показалась Сании совсем другим человеком: не измученной женщиной с дороги, а кем-то, у кого есть место в этом городе.

— Смотрите, — сказала мать и слегка повела плечами, будто демонстрируя обновку.

Марлен подбежал и потрогал ткань.

— Ты теперь доктор?

— Пока нет. Но, может быть, меня оставят при отделении.

Она сказала это тихо, почти неуверенно, будто боялась, что слова, произнесенные вслух, спугнут удачу. Но глаза у нее блестели.

— Если оставят, у нас будет комната. Своя.

Сания посмотрела на белый халат и впервые за долгое время позволила себе подумать, что, может быть, они действительно останутся здесь. Что дорога, яма, камни, отец, все это осталось позади, в другой, законченной части жизни, а впереди начинается новая.

В тот же вечер мать достала из кармана халата маленький гребень.

Дешевый, деревянный, с двумя обломанными зубцами.

Она села на топчан и начала медленно расчесывать волосы, впервые за долгое время не наспех, а как будто у нее вдруг появилось на это время.

Сания смотрела на гребень и не могла отвести глаз.

Гребень твоей матери.

Мне не нужен гребень.

Нужен.

Отец так и не успел его купить. Сания даже не помнила, думала ли она об этом с той дороги, когда он это пообещал.

— Откуда он у тебя? — спросила Сания.

— Купила. На первое жалованье.

Мать провела гребнем по волосам еще раз и посмотрела куда-то мимо Сании.

— Твой отец обещал мне гребень. Помнишь?

— Помню.

— Вот я сама себе и купила.

Она улыбнулась, но улыбка вышла кривой, и Сания поняла, что мать в этот момент тоже думает не о гребне.

Через несколько дней мать начала кашлять.

Сначала это казалось пустяком, просто сухой, короткий кашель по вечерам, который она сама объясняла пылью в отделении. Но кашель не проходил, а через неделю к нему добавилась слабость. Мать стала быстрее уставать, отказывалась от еды, ссылаясь на то, что не хочет.

Потом появился озноб.

Сания заметила это первой: мать сидела рядом с ними под теплым вечером и все равно куталась в платок, а руки у нее слегка дрожали.

Внутри у Сании похолодело мгновенно, будто кто-то плеснул на нее ледяной водой.

Она уже видела это.

Не так, но похоже.

Слабость, которая приходит незаметно и не уходит. Тело, которое день за днем становится чуть менее живым, чем накануне.

— Тебе плохо, — сказала она. Не спросила. Сказала.

— Немного продуло, — ответила мать. — Пройдет.

Сания промолчала, но той ночью она не спала, слушая, как рядом дышит мать, и считая каждый выдох так же, как когда-то считала удары сердца отца.

Через два дня мать не смогла встать на смену.

Анна Петровна пришла сама, спросила несколько вопросов, послушала грудь через тонкую трубку, потрогала лоб тыльной стороной ладони. Ее лицо не изменилось, но Сания уже научилась читать взрослых по тому, что они стараются не показать, и увидела, как что-то в глазах Анны Петровны стало жестче.

— Ее нужно положить в отделение, — сказала Анна Петровна.

Мать хотела возразить, что справится дома, что это просто простуда, но сил на спор у нее уже не осталось.

Ее увели в другое крыло здания, туда, где Сания раньше не бывала.

Детей оставили при пункте под присмотром соседки. Сания приходила каждый день после работы соседки и подолгу сидела у двери отделения, пока ее не пускали внутрь на несколько минут.

Однажды, когда Санию наконец пустили внутрь, она застала Анну Петровну у постели матери. Мать сидела, откинув рукав рубахи, и рассматривала собственное предплечье. Кожа была усыпана мелкими красноватыми пятнами, которых там не было еще позавчера.

Анна Петровна наклонилась ближе, провела пальцем рядом с пятнами, не касаясь их, и надолго замолчала.

Мать подняла на нее глаза.

— Похоже?

Анна Петровна не ответила сразу.

Она аккуратно опустила рукав обратно, будто это могло что-то изменить, и только потом сказала что-то тихое, чего Сания не расслышала.

Сания не знала, что означают эти пятна, температура, которая не спадала вторую неделю, спутанность к вечеру. Но она видела достаточно, чтобы понять главное.

Мама испугалась.

А мама не боялась почти ничего с тех пор, как они похоронили отца.

После этого она перестала обещать, что скоро встанет.

Сначала она пыталась не пугать Санию, отвечала на вопросы уклончиво, переводила разговор на Марлену, на школу, на будущее. Но однажды, когда Сания в очередной раз спросила, когда она вернется домой, мать взяла ее за руку и сказала прямо:

— Сания. Сядь рядом. Мне нужно с тобой поговорить.

Голос был спокойный, но какой-то новый, не такой, каким мать говорила даже во время самых тяжелых дней на дороге.

Сания села.

— Я хочу, чтобы ты меня внимательно выслушала. И запомнила.

— Ты поправишься.

— Сания.

— Ты обещала.

Мать посмотрела на нее долгим взглядом.

— Я обещала многое. Комнату. Окно. Хлеб каждый день. Я сама очень хотела в это верить.

Она сжала руку Сании чуть крепче.

— Но иногда все равно случается по-другому. Ты уже это знаешь.

Сания почувствовала, как к горлу подкатывает знакомая тяжесть, та же, что была на дороге рядом с отцом.

— Не говори так.

— Я должна.

Мать помолчала, собираясь с силами.

— Если что-то случится со мной, ты пойдешь к Анне Петровне. Она знает, кому сообщить. Меня похоронят как положено. Тебе этим заниматься не придется.

Сания замотала головой, но мать продолжала, будто боялась не успеть.

— После этого вас с Марленом отведут в детприемник. Оттуда вас распределят в детский дом. Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Это самое главное, что я тебе скажу, поэтому слушай хорошо. Держись рядом с братом. Не отходи от него ни на шаг. Если вас начнут распределять по разным местам, спрашивай, куда отправляют его. Громко спрашивай, при всех. Не давай увести его молча.

— Мама...

— Говори всем, что вы брат и сестра. Каждый раз. Даже если кажется, что это и так понятно. Взрослые торопятся, у них много детей и мало времени, они могут просто развести вас в разные стороны, если ты промолчишь.

Она посмотрела Сании прямо в глаза.

— Твоя главная задача теперь, Сания, это Марлен. Беречь его. Не отпускать его руку. Ты поняла?

Сания хотела снова сказать, что мать поправится, что все это не нужно, что она обещала. Но слова застряли где-то внутри, и вместо этого она заплакала.

— Мы же только начали, — сказала она сквозь слезы. — У тебя халат. Ты сказала, будет комната. Свое окно.

— Я знаю.

— Ты сама говорила.

— Я знаю, Сания. Я сама очень хотела, чтобы это было правдой.

Голос матери дрогнул, впервые за весь разговор, и Сания увидела, что она тоже держится из последних сил, только скрывает это лучше, чем раньше.

— Поэтому мне важно успеть сказать тебе все сейчас. Пока я еще могу.

В последующие дни матери становилось хуже.

Температура почти не спадала. Иногда она путала день с вечером, звала Санию, хотя та сидела прямо рядом, несколько раз спрашивала, где дети, глядя прямо на них и не узнавая сразу.

В один из таких моментов она вдруг схватила Санию за руку с неожиданной силой.

— Марлена не отдавай.

— Мама, я здесь. Это я, Сания.

Мать несколько секунд смотрела на нее, будто узнавая заново, потом обмякла обратно на подушку.

— Не отдавай, — повторила она уже тише.

Сания сидела рядом каждую свободную минуту, держала ее за руку, вытирала лоб влажной тряпкой, как когда-то мать вытирала лоб отцу. Иногда ей казалось, что она смотрит на один и тот же сон второй раз, только героев поменяли местами.

В одну из ночей, когда матери на короткое время стало легче, она снова позвала Санию к себе.

Голос был слабым, но ясным.

— Проверим, что ты запомнила.

Сания кивнула, боясь, что голос ее подведет.

— К кому ты пойдешь?

— К Анне Петровне.

— Что она сделает?

— Поможет. С похоронами. С нами.

— А потом куда вас отведут?

— В детприемник. Оттуда в детдом.

— И что ты должна делать?

Сания сжала ее руку.

— Не отпускать Марлену.

Мать слабо улыбнулась, и в этой улыбке было что-то похожее на облегчение, будто она наконец могла позволить себе устать.

— Хорошая девочка.

Она закрыла глаза, но руку Сании не отпустила.

Через два дня, ночью, Сания сидела рядом, как обычно, и не заметила момента, когда дыхание матери изменилось.

Оно просто стало тише. Потом еще тише.

Потом его не стало совсем.

Сания несколько секунд сидела неподвижно, все еще держа ее за руку.

На этот раз она не стала трясти ее за плечо. Не стала звать. Не стала уговаривать себя, что это просто крепкий сон.

Она уже знала это дыхание слишком хорошо, чтобы обманываться снова.

— Мама, — тихо сказала она.

Ответа не было.

Слезы потекли сами, без крика, без борьбы. Сания сидела и плакала тихо, положив голову на край койки, все еще не выпуская материнскую руку из своей.

Ей хотелось остаться так навсегда. Не двигаться, не думать, просто держать эту руку, пока она не станет такой же холодной, как рука отца в то утро.

Но где-то на самом дне памяти прозвучали слова.

Беречь его. Не отпускать его руку.

Сания подняла голову.

Она заставила себя разжать пальцы. Осторожно положила материнскую руку на одеяло. Вытерла лицо тыльной стороной ладони, точно так же, как когда-то это делала мать.

Потом встала и пошла искать Анну Петровну.

Она нашла ее в коридоре, среди других забот, других больных, других разговоров, которые для Анны Петровны были обычным вечером на работе.

— Анна Петровна.

Та обернулась, увидела лицо Сании, и что-то в ней сразу переменялось.

— Мама сказала обратиться к вам, — сказала Сания. Голос был ровным, только руки дрожали. — Она умерла.

Анна Петровна не стала ничего уточнять. Она молча взяла Санию за плечо, коротко сжала, и это было единственное утешение, которое она себе позволила. Потом сказала, что дальше все возьмет на себя, и велела Сании идти к Марлену.

Марлен спал за занавеской у соседки.

Сания разбудила его тихо, села рядом и взяла за руку.

— Марлен.

— Что?

— Мне надо тебе сказать.

Он сонно моргнул.

— Мама умерла.

Марлен несколько секунд смотрел на нее, не понимая.

— Она же в отделении. Она поправляется.

— Нет. Она умерла сегодня ночью.

Его лицо начало меняться, медленно, как будто слова доходили до него не сразу.

— А папа? — вдруг спросил он. — Он тоже не догонит?

Сания долго молчала.

Потом впервые за все это время сказала ему правду до конца.

— Папа тоже умер. Тогда, в дороге. Мы с мамой тебе ввали, чтобы ты не боялся.

Марлен заплакал, но это был другой плач, чем тогда над матерью, тише, без сопротивления, скорее плач ребенка, который наконец перестал ждать.

Сания обняла его и держала, пока он не затих.

Наутро Анна Петровна помогла с тем немногим, что нужно было сделать. Мать похоронили как полагается, не в степи, не под камнями, а на настоящем кладбище, с именем. Собирая их немногие вещи в дорогу, Сания взяла с собой материнский гребень. Завернула его в тот же лоскут ткани, в котором все это время прятала хлеб.

Гребень занял место рядом с хлебом, как будто это были две вещи одной природы: то, что нельзя было позволить себе потерять.

Анна Петровна проводила их до самого детприемника. У входа она присела перед Санией, чтобы оказаться на уровне ее глаз.

— Помни, что я тебе скажу. Если начнут разделять, спрашивай, куда его отправляют. Громко. При всех. Не молчи.

— Я знаю.

— Твоя мать тебе уже это говорила.

— Да.

Анна Петровна кивнула, будто проверила что-то важное и осталась довольна ответом.

Внутри, за дверью, толпились дети всех возрастов, и Сания сразу почувствовала знакомый холод, тот же, что был у стола регистрации, только теперь рядом не было ни отца, ни матери, только Марлен и она сама.

Она крепче сжала его руку.

— Не отпускай меня, — сказал Марлен.

— Не отпущу.

Она произнесла это не как обещание, которое можно нарушить, если станет слишком трудно.

Она произнесла это как поручение, которое теперь принадлежало только ей.

И пошла вперед, ведя брата за собой, туда, где начиналась жизнь без родителей.

Глава 4. Список

За дверью приемника-распределителя оказался совсем другой мир, чем тот, что Сания успела узнать за месяц в Алма-Ате.

Здесь не было тихих коек, отгороженных занавесками. Здесь были голоса, десятки голосов сразу: детский плач, окрики воспитательниц, скрип дверей, чей-то заходящийся кашель, стук деревянных мисок. Дети сидели вдоль стен, стояли группами, лежали прямо на полу, завернувшись в то, что у кого нашлось. Одни выглядели совсем маленькими, другие уже почти взрослыми. У кого-то в руках был узел размером в две ладони, у кого-то не было ничего.

Женщина в сером халате прошла мимо со списком в руках, выкрикивая фамилии. Другая тащила за руку упирающегося мальчика к дальней двери. Третья считала детей у стены, водя пальцем по воздуху и шевеля губами.

Сания крепко сжала руку Марлена.

— Держись рядом.

— Я держусь.

Мимо прошла девочка лет двенадцати, толкнула Санию плечом, даже не заметив. Марлен вздрогнул и прижался ближе.

К ним подошла женщина с журналом.

— Фамилия?

Сания назвала.

— Одна?

— Нет. С братом.

Женщина посмотрела на Марлена, потом снова на Санию, что-то отметила.

— Возраст?

— Мне девять. Ему пять.

— Родители?

— Умерли. Оба.

Женщина не подняла головы, просто записала, как когда-то на пункте записывал мужчина за столом. Но что-то в том, как она задержала карандаш, заставило Санию сказать быстрее, чем она успела подумать:

— Мы брат и сестра. Пожалуйста, запишите нас вместе.

— Запишу, что вы родственники. Дальше решает комиссия.

— Какая комиссия?

— Иди, девочка. За тобой очередь.

Их подвели к длинному столу, где сидели несколько человек с бумагами. Один спрашивал год рождения и записывал детей постарше в одну тетрадь. Другой, с более тонкой пачкой листов, забирал тех, кто помладше.

Марлена направили к младшему столу.

Сания шагнула следом, но чья-то рука мягко, но твердо остановила ее за плечо.

— Ты сюда, к тем, кто постарше.

— Я с ним.

— Сейчас просто перепись. Не разлучаем.

Сания не сдвинулась с места, пока не увидела, что Марлена усадили на скамью в паре шагов от нее, а не увели куда-то за дверь. Только тогда она позволила отвести себя к своему столу.

Но глаза все равно возвращались к брату каждые несколько секунд, будто расстояние между двумя столами могло вдруг вырасти, если она отвернется дольше, чем на вдох.

После переписи детей повели строем в другое помещение, разделенное дощатой перегородкой. Там раздавали жидкую похлебку в одинаковых железных мисках. Саня села рядом с Марленом на длинной скамье и следила, чтобы никто не подвинул его миску и не забрал хлеб раньше времени.

Потом была баня, тесная и наспех устроенная, с несколькими ведрами горячей воды на всех. Мальчиков и девочек развели по разным сторонам занавески, и на те несколько минут, пока Марлена не было видно, у Саньи внутри будто оборвалась нитка. Она мылась быстро, не разбирая, где вода, а где мыло, вслушиваясь в детские голоса за перегородкой, пытаясь различить среди них его.

Когда она вышла, Марлен уже сидел на скамье, завернутый в чужое полотенце, и сразу вскинул голову.

— Ты долго.

— Недолго.

Женщина осмотрела у обоих голову, провела гребнем по волосам в поисках вшей, коротко кивнула и махнула в сторону стопки одежды. Марлену досталась рубаха на два размера больше, с чужим заплатанным воротом. Саня помогла закатать ему рукава.

— Не снимай мою, — сказал он, вцепившись в подол.

— Никто не снимет.

Остаток дня они провели в общей комнате, среди других детей, тихо сидя на своей скамье. Марлен не отпускал ее руку даже во время еды, ел одной рукой, вторая оставалась в ее ладони.

К вечеру в комнату вошла женщина с папкой под мышкой и заведующая приемником. Дети затихли сами, без окрика, будто уже знали, что означает такой вход.

— Слушайте внимательно, — сказала женщина с папкой. — Завтра утром начинается распределение. Тех, кто младше семи, отправят в детский дом номер четыре, для маленьких. Тех, кто старше, в детский дом номер одиннадцать.

По комнате прошел шум, кто-то сразу заплакал, кто-то вскочил с вопросом.

Саня вскочила первой.

— Мой брат не поедет один.

Женщина подняла на нее глаза, устало, как на десятого ребенка за вечер, задавшего тот же вопрос.

— Ему пять лет?

— Да.

— Значит, детский дом номер четыре.

— А я одиннадцать.

— Значит, ты в другой.

— Мы брат и сестра.

— Я это уже слышала сегодня десять раз от десяти разных детей.

Саня замерла на секунду, но не отступила.

Она вспомнила голос матери, слабый, но ясный, тот вечер, когда мать проверяла, что она запомнила.

Спрашивай, куда отправляют его. Громко. При всех. Не давай увести его молча.

Саня повысила голос настолько, чтобы его слышала вся комната.

— Куда именно едет детский дом номер четыре? В каком он районе? Запишите мне название.

Женщина с папкой посмотрела на нее внимательнее.

— Тебе зачем?

— Чтобы знать, куда идти, когда мы захотим быть вместе.

В комнате стало тише. Заведующая переглянулась с женщиной с папкой.

— Улица Фурманова, — сказала наконец женщина. — Детский дом номер четыре.

— Запишите, пожалуйста. Мне нечем запомнить.

Кто-то протянул огрызок карандаша. Сания нацарапала адрес на обрывке газеты, подобранным с пола, и спрятала его в тот же лоскут, где хранился хлеб и материнский гребень.

— Это ведь не навсегда? — спросила она. — Нас потом переведут вместе?

Заведующая устало потерла переносицу.

— Такое бывает. Если освободится место в одном доме, могут перевести. Иногда родственников объединяют по запросу.

— Как подать запрос?

— Через воспитателя вашего дома. Он напишет, ты жди ответа.

Это было не обещание. Но это было что-то, за что можно было держаться, и в ту ночь Сания повторяла эти слова себе, лежа рядом с Марленом, столько раз, что они начали звучать почти как правда.

Утром детей построили в два ряда во дворе. Младших в один, старших в другой. Между рядами оставили узкий проход, по которому ходили воспитатели, сверяя фамилии по спискам.

Марлен вцепился в руку Сании обеими руками.

— Я не хочу туда.

— Это ненадолго.

— Ты обещала не отпускать.

Дыхание у нее сбилось, будто грудь перетянули веревкой.

— Я не отпускаю. Просто нас на время поставят в разные ряды.

Воспитательница подошла, мягко, но настойчиво потянула Марлена за плечо.

— Пойдем, мальчик. Тебя ждут в четвертом ряду.

— Нет!

Марлен закричал и обхватил Санию поперек живота. Она обхватила его в ответ, вцепившись в рубаху так крепко, что побелели костяшки.

— Не трогайте его.

— Девочка, отпусти. Так всем тяжелее.

— Не отпущу.

Не отпущу.

Слова прозвучали у нее в голове раньше, чем она вспомнила, откуда они. Это она сама сказала их у входа сюда, всего день назад.

Подошел второй сотрудник. Вдвоем они начали разжимать пальцы Сании один за другим, спокойно, привычно, будто делали это далеко не в первый раз за это утро.

— Не отпускай меня! — закричал Марлен. — Сания, не отпускай меня!

— Держись!

Пальцы разжимались один за другим, и она ничего не могла с этим сделать. Не сила исчезла из ее рук, а руки взрослых оказались сильнее, чем ее решимость их не отпускать.

Марлена оторвали от нее и понесли к другому ряду, а он выгибался назад, протягивая к ней руки.

— Сания!

Она рванулась следом, но кто-то удержал ее за плечи.

— Стой на месте. Хуже сделаешь.

Она осталась стоять, потому что ноги отказались бежать, а не потому, что согласилась.

Марлена поставили в ряду младших. Он больше не кричал, только плакал, тихо, глядя на нее через весь двор, будто расстояние между рядами было единственным, что еще связывало их друг с другом.

Сания заставила себя подойти к воспитательнице, той самой, что говорила про адрес.

— Детский дом номер четыре, улица Фурманова. Вы это уже говорили. Мне нужно знать точный адрес, кто будет сопровождать группу, и когда я смогу узнать, что он доехал.

Женщина, кажется, впервые за утро посмотрела на нее не как на одну из многих.

— Список сопровождающих у заведующей. Спроси у нее фамилию воспитателя, который поедет с четвертым рядом.

Сания кивнула и записала это тоже, на том же обрывке газеты.

Она осталась стоять во дворе, пока последнюю группу младших не увели за ворота. Дыхание давалось ей с трудом, будто во дворе не хватало воздуха на всех. Но она не позволила себе сесть на землю и заплакать.

Она вспомнила мать.

Не отходи от него ни на шаг.

Она не сумела выполнить это буквально. Но оставалась вторая часть поручения, та, что можно было выполнить даже сейчас, без Марлена рядом.

Сания пошла искать заведующую.

— Мне нужна фамилия воспитателя, который сопровождает детский дом номер четыре. И через сколько дней я смогу узнать, что группа доехала.

Заведующая устало кивнула, будто уже привыкла к таким вопросам от старших детей.

— Воспитателя звали Громова. Отправь запрос через неделю, раньше документы не дойдут.

Сания записала фамилию рядом с адресом.

Прошло пять дней.

Пять дней в приемнике тянулись медленно, между переписями, короткими уроками грамоты для тех, кто ждал распределения, и очередями за похлебкой. Сания считала их, как когда-то считала камни на могиле отца, будто счет мог удержать что-то на месте.

На шестой день она добилась разговора с заведующей.

— Я насчет брата. Марлен, детский дом номер четыре, ехал с группой Громовой.

Заведующая нашла нужный журнал, провела пальцем по строчкам, потом еще раз, медленнее.

— Странно.

— Что странно?

— По нашим документам он выбыл в составе группы шестого числа. Но детский дом номер четыре только что прислал список поступивших детей. Его в этом списке нет.

Пол под ногами будто качнулся, хотя Сания стояла неподвижно.

— Как это нет?

— Возможно, ошибка в списке. Такое случается, документы теряются, переписывают наспех.

— Где он тогда?

— Я не знаю, девочка.

Заведующая позвонила в детский дом номер четыре, долго ждала ответа, потом коротко переговорила с кем-то на другом конце провода. Сания стояла рядом, вслушиваясь в каждое слово, которое могла разобрать.

— Они утверждают, что не получали ребенка с таким именем, — сказала заведующая, положив трубку. — Группа прибыла шестого числа, все совпадает, кроме одного.

— Кроме Марлена.

— Да.

Заведующая достала список сопровождения, сверила его с отправленным журналом.

— По документам детей было двенадцать. Уехали двенадцать. Приехали одиннадцать.

— Куда делся двенадцатый?

— Возможно, в дороге кого-то пересадили на другую подводу, если не хватало мест. Возможно, кого-то направили в другое учреждение, если в четвертом доме не хватило коек. Такое бывает, особенно когда групп много, а сопровождающих мало.

— И что тогда с документами?

— Иногда их просто не успевают переписать заново.

Она развела руками, не как человек, которому все равно, а как человек, который уже слишком много раз видел, что бумага не поспевает за людьми.

— Мы отправим запрос в отдел распределения. Возможно, там знают, куда фактически определили лишнего ребенка.

— Сколько это займет?

— Не знаю.

Сания смотрела на одиннадцать фамилий.

Марлена среди них не было.

Раньше, когда умер отец, она знала, где искать. Дорога, холм, сухой куст, два камня.

Когда умерла мать, она знала, где искать. Кладбище, имя на табличке.

Теперь у нее не было ничего, за что можно было зацепиться взглядом. Ни дороги, ни адреса, ни могилы. Только строчка в чужом журнале, где брат существовал ровно до того места, где кончались записи, а дальше начиналась пустота, в которой могло быть все что угодно.

Марлен не был в детском доме номер четыре.

Марлен был нигде.

Глава 5. Одна среди всех

В детском доме Сания впервые поняла, что человек может быть один даже там, где вокруг него постоянно кто-то есть.

Детей было слишком много.

Они спали по двое на узких кроватях, на тюфяках возле стен, иногда прямо на сложенных одеялах. Утром одновременно вставали, толкались возле умывальников, искали одежду, спорили из-за чулок и обуви. В столовой сидели плечом к плечу за длинными столами. В коридорах всегда кто-нибудь бежал, плакал, кашлял или звал воспитательницу.

Тишины почти не было.

Но никто здесь не знал Санию.

Никто не знал, как отец называл ее маленькой старухой.

Никто не помнил белый халат матери.

Никто не знал, что Марлен смеялся, когда отец изображал лошадь, и каждый раз обещал, что не упадет.

Иногда Сания смотрела на десятки незнакомых детей вокруг и думала, что Марлен тоже сейчас может находиться в такой комнате.

Может быть, он тоже сидит среди чужих людей и ждет ее.

Поэтому каждое утро она начинала одинаково.

После завтрака шла к заведующей.

— Про моего брата ничего нет?

Первые дни заведующая каждый раз открывала папку.

Потом перестала.

— Пока нет.

— Запрос отправили?

— Отправили.

— Куда?

— Куда нужно.

Сании такой ответ не нравился.

— А когда ответят?

— Не знаю.

На следующий день она спрашивала снова.

Через несколько дней заведующая стала узнавать ее шаги в коридоре.

— Сания, если что-нибудь найдут, я сама тебя позову.

Сания кивала.

На следующий день все равно приходила.

Мать велела спрашивать.

Громко. При всех. Каждый раз говорить, что они брат и сестра.

Мать не говорила, сколько раз нужно спрашивать.

Значит, Сания решила спрашивать столько, сколько понадобится.

К жизни в детском доме она тоже привыкала быстро.

Здесь нельзя было оставлять ботинки под кроватью, потому что утром они могли оказаться на другом ребенке.

Нельзя было забывать полотенце возле умывальника.

Нельзя было долго выбирать одежду из общей стопки. Пока думаешь, кто-нибудь уже заберет то, что теплее.

Нельзя было оставлять еду.

Сания знала последнее правило еще до детского дома.

Она всегда съедала столько, сколько хотела, а остаток хлеба прятала под одежду.

Туда же, где раньше мать носила последнюю лепешку.

Материнский гребень она держала завернутым в ткань под подушкой. Рядом лежал сложенный в несколько раз кусок бумаги.

На нем она сама переписала все, что знала.

Марлен.

Пять лет.

Детский дом номер четыре.

Не поступил.

Иногда вечером Сания доставала бумагу и перечитывала эти слова.

Больше у нее ничего не было.

Однажды после обеда она вернулась в спальню и сразу увидела, что кто-то сидит на ее кровати.

Три девочки были старше нее. Одну Сания уже замечала раньше: высокая, худенькая, с коротко обрезанными волосами и слишком маленькой кофтой, из рукавов которой торчали запястья.

Она держала в руках материнский гребень.

Сания остановилась.

— Отдай.

Девочка провела гребнем по волосам.

— Красивый.

— Отдай.

— Старый.

— Тогда зачем взяла?

Две другие засмеялись.

Сания подошла ближе.

— Положи.

Девочка посмотрела на нее с интересом.

До этого Сания почти ни с кем здесь не разговаривала. Она ела, выполняла то, что ей говорили, ходила к заведующей и каждый вечер возвращалась к своей кровати.

Наверное, поэтому они решили, что она будет молчать и сейчас.

Девочка положила гребень на ладонь.

— А если не отдам?

Сания протянула руку.

— Отдай.

Та подняла руку выше.

Сания попыталась достать, но девочка была выше.

Сзади снова засмеялись.

Потом одна из них заметила бумажку на кровати.

Сания не успела.

Девочка схватила ее первой.

— Что это?

Сания сразу повернулась.

— Дай сюда.

Та развернула бумагу.

— Марлен.

Сания подошла.

— Отдай.

— Пять лет.

— Я сказала, отдай.
Девочка подняла глаза.
— Кто такой Марлен?
— Мой брат.
— А где он?
Сания молчала.
Девочка с гребнем усмехнулась.
— Потеряла?
Это слово Сания уже слышала от взрослых.
Ребенок потерялся.
Документы потерялись.
Список потеряли.
Будто Марлен был вещью, которую можно забыть на столе.
— Он не потерялся.
— А где тогда?
— Не знаю.
— Значит, потерялся.
Сания выхватила бумагу.
Девочка схватила ее за руку.
— Ты чего?
— Не трогай.
— Мы просто посмотрели.
— Я сказала не трогать мои вещи.
— А то что?
Сания почувствовала, как внутри появляется знакомое напряжение.
Она уже знала его.
Оно появлялось перед тем, как хотелось кричать.
Так было, когда мать не хотела разбудить отца.
Так было, когда взрослые разжимали ее пальцы на руке Марлена.
Так было возле списка, в котором его имени не оказалось.
Сания медленно спрятала бумагу под одежду.
— Ничего. Просто не трогайте.
Девочка толкнула ее.
Не сильно.
Наверное, просто хотела посмотреть, что она сделает.
Сания удержалась на ногах.
— И что?
Она снова протянула руку к гребню.
— Отдай.
Девочка толкнула ее еще раз.
Сания ударилась бедром о край кровати.
Остальные засмеялись.
— Психованная.
— Она всегда такая ходит.
— Как старуха.
Сания замерла.
Старуха.
На секунду перед глазами возник отец.
Пыльная дорога.

Его палец касается складки между ее бровями.
Опять пришла.
Кто?
Маленькая старуха.
Сания посмотрела на гребень в чужой руке.
На бумагу под своей одеждой.
На трех девочек перед собой.
Потом сказала:
— Последний раз. Отдай.
Девочка усмехнулась.
— А брату тоже так говорила?
Сания не сразу поняла.
— Что?
— Чтобы не уходил.
Кто-то тихо засмеялся.
— Все равно ушел.
Сания бросилась вперед.
Она даже не успела решить, что будет делать.
Просто ударила.
Девочка отшатнулась, гребень выпал на пол. В следующую секунду Санию толкнули сбоку. Она упала на кровать, кто-то схватил ее за волосы.
Сания ударила рукой назад.
Не попала.
Ее дернули сильнее.
Она развернулась и вцепилась в чужую кофту.
Все смешалось.
Кровать.
Пол.
Чьи-то руки.
Крики.
Сания почувствовала удар в губу. Во рту появился соленый вкус крови.
Она упала на колени.
Ей было больно.
И страшно.
Их было трое.
На секунду захотелось закрыть голову руками и просто ждать, пока все закончится.
Потом Сания увидела гребень.
Он лежал под кроватью.
Один из обломанных зубцов был обращен к ней.
Мамин.
Сания поднялась.
На этот раз она ударила первой.
Когда в комнату вбежала воспитательница, разнять их сразу не получилось.
— Хватит!
Кто-то продолжал держать Санию за волосы.
Она продолжала тянуться к девочке напротив.
— Сания!
Ее схватили за плечи и оттащили к стене.
Только тогда она остановилась.

Грудь быстро поднималась и опускалась. Губа болела, колено было содрано. На костяшках выступила кровь.

Одна из девочек плакала.

Другая держалась за щеку.

Старшая смотрела на Санию совсем не так, как несколько минут назад.

Больше не улыбалась.

— Кто начал? — спросила воспитательница.

Все заговорили сразу.

Сания молчала.

Она заметила гребень под кроватью, подошла и подняла его.

Осмотрела.

Два сломанных зубца.

Столько же, сколько было раньше.

Только после этого ей стало легче.

— Сания.

Она повернулась.

— Что произошло?

— Они взяли мои вещи.

— Из-за вещей нельзя устраивать драку.

Сания прижала гребень к ладони.

— Я просила отдать.

— Нужно было позвать меня.

Сания посмотрела на воспитательницу.

Потом на трех девочек.

— Я сначала попросила.

Вечером ее отвели к заведующей.

Та долго смотрела на разбитую губу Сании, потом на записку, которую принесла воспитательница.

— Неделю здесь и уже драка.

Сания ничего не сказала.

— Почему?

— Они взяли мамины вещи.

— Можно было пожаловаться воспитателю.

— Я попросила вернуть.

— А потом?

— Не вернули.

— И ты решила драться?

Сания пожала плечами.

Ей казалось, что объяснение было очевидным.

Заведующая вздохнула.

— Три дня без прогулки. После занятий будешь помогать мыть коридор.

— Хорошо.

— И больше никаких драк.

Сания не ответила.

— Ты меня поняла?

— Поняла.

— Тогда иди.

Она дошла до двери.

Остановилась.

— А про Марлена ничего нет?
Заведующая подняла на нее глаза.
Несколько секунд просто смотрела.
— Нет, Сания.
— Хорошо.
Сания вышла.
Следующие три дня, пока остальные дети гуляли, она мыла коридор.
Девочки, с которыми она подралась, иногда проходили мимо.
Первый раз Сания напряглась.
Она ждала, что кто-нибудь снова что-то скажет.
Никто не сказал.
На следующий день старшая прошла совсем рядом. На секунду их взгляды встретились.
Сания не отвернулась.
Девочка тоже смотрела.
Потом пошла дальше.
После этого к вещам Сании больше никто не прикасался.
Она не стала самой сильной в комнате.
Просто теперь остальные знали, что, если тронуть ее, она не отойдет в сторону.
Даже если их будет трое.
На третий день наказания Сания стояла на коленях возле ведра и выжимала тряпку, когда услышала быстрые шаги.
Она подняла голову.
Воспитательница шла прямо к ней.
Сания сразу встала.
Сначала решила, что что-то опять случилось.
Но лицо у женщины было другим.
— Сания.
— Что?
Воспитательница остановилась перед ней.
— Кажется, нашли мальчика.
Сания несколько секунд не поняла.
— Какого мальчика?
— Пять лет. Из тех детей, которых распределяли через приемник примерно в то же время.
Сания выпустила тряпку.
Она упала в ведро.
— Марлена?
— Мы не знаем.
— Где он?
— Подожди.
— Где?
— Его привезли сюда. Нужно, чтобы ты посмотрела.
Сания уже шла.
Потом побежала.
Коридор казался длиннее обычного.
Воспитательница что-то сказала ей вслед, но Сания не услышала.
Марлен.
Она уже представляла, как он повернется.
Как сначала удивится.

Потом побежит к ней.
Не отпускай меня.
Не отпущу.
Сания не знала, что скажет ему первой.
Наверное, что искала.
Что каждый день спрашивала.
Что не забыла.
Что она не виновата.
Последняя мысль появилась сама.
Сания сразу оттолкнула ее.
У небольшой комнаты стояла заведующая.
Она положила руку Сании на плечо.
— Не спеши. Мы пока ничего не знаем.
Сания дернула плечом.
— Я его узнаю.
Дверь открыли.
Возле окна стоял мальчик.
Спиной.
Сания остановилась на пороге.
Он был примерно роста Марлена.
Такой же худой.
Темные волосы были коротко обрезаны, одежда висела на маленьком теле слишком свободно.
Сания смотрела на его спину.
Сердце ударило так сильно, что стало больно.
Она сделала шаг.
— Марлен?
Мальчик повернулся.
Сания сразу поняла.
Не он.
Она даже не успела всмотреться.
Нос был другой.
Глаза.
Подбородок.
Все.
Не Марлен.
Мальчик смотрел на нее настороженно.
Сания стояла посреди комнаты.
Еще несколько секунд назад ей казалось, что после этой двери закончится все плохое, что случилось с того момента, когда взрослые разжали их руки.
Она найдет его.
Исправит.
Вернет.
Но перед ней стоял чужой ребенок.
— Сания? — тихо позвала заведующая.
Она не ответила.
— Это твой брат?
Сания покачала головой.
— Нет.

Мальчик посмотрел сначала на нее, потом на взрослых.
— А зачем меня привели?
— Ошиблись, — сказала заведующая.
Сания продолжала смотреть на него.
Он был примерно того же возраста.
Такой же маленький.
Такой же один.
Мальчик тоже посмотрел на нее.
— Ты кого искала?
Сания сглотнула.
— Брата.
— А.
Он опустил глаза.
Потом сказал:
— А я маму.
Больше они ничего друг другу не сказали.
Сания вышла в коридор.
Воспитательница пошла за ней.
— Нам сказали, что возраст подходит. И время поступления.
Сания шла дальше.
— Сания.
Она остановилась.
— Где его нашли?
— В другом детском доме.
Сания повернулась.
— В каком?
Женщина назвала место, но Сания почти не слушала.
В голове уже появилась другая мысль.
— Значит, Марлен тоже может быть в другом?
— Может.
— Не только в четвертом?
— Мы поэтому и проверяем другие списки.
Сания посмотрела на нее.
— Все?
— Какие можем.
Этого ответа было мало.
Но другого сейчас не было.
Сания вернулась к ведру.
Тряпка все еще плавала в серой воде.
Она вытащила ее, выжала и снова опустилась на колени.
Руки дрожали.
Сания злилась на них за это.
Больше всего ей хотелось плакать.
Но рядом ходили дети, и она не хотела, чтобы кто-нибудь видел.
Поэтому терла пол сильнее, чем нужно.
Вечером она достала бумажку.
Марлен.
Пять лет.
Детский дом номер четыре.

Не поступил.
Сания перечитала строки несколько раз.
Потом добавила ниже:
Может быть в другом детдоме.
Она долго смотрела на новые слова.
До сегодняшнего дня четвертый детский дом был последним местом, где Марлен должен был находиться.
Теперь последнего места не было.
Это пугало.
Но одновременно означало другое.
Он мог быть где-то еще.
Значит, искать еще было где.
Сания сложила бумагу.
Положила рядом материнский гребень.
Легла.
В комнате разговаривали дети. Кто-то смеялся. Кто-то спорил из-за одеяла. Девочка у окна снова кашляла.
Вокруг Сании были десятки людей.
Она закрыла глаза.
И все равно была одна.
На следующее утро после завтрака Сания снова подошла к кабинету заведующей.
Женщина увидела ее еще издалека.
— Тот мальчик был не Марлен.
— Я знаю.
— Значит, надо искать дальше.
Заведующая немного помолчала.
— Будем искать.
Сания кивнула.
— Хорошо.
Она развернулась.
Потом вспомнила и снова посмотрела на женщину.
— Я завтра спрошу.
На этот раз заведующая не сказала, что сама ее позовет.
— Хорошо.
Сания ушла.

Глава 6. Кладовая

Сания заметила, что хлеб стал меньше, потому что привыкла его запоминать.

Она не измеряла куски и не сравнивала их специально. Просто знала, сколько хлеба обычно помещается в ладони, сколько можно откусить, чтобы оставить половину на потом, как быстро исчезают края, если есть медленно. После дороги такие вещи оставались в памяти лучше многих слов.

Сначала ей показалось, что на кухне просто нарезали буханку иначе. Потом то же повторилось на следующий день. Через несколько дней куски стали тоньше у всех.

Дети почти не жаловались. В детском доме всегда чего-нибудь не хватало. То исчезало мыло, то приходилось ждать теплых чулок, то двое спали под одним одеялом, потому что второго не нашлось. Когда чего-то становилось меньше, взрослые говорили одно и то же: не привезли, не хватило, потерпите.

Сания привыкла не спрашивать о том, чего никто все равно не объяснит.

Но хлеб она замечала.

Однажды после завтрака ее отправили отнести на кухню пустое ведро. Возвращаясь, она прошла мимо хозяйственной части и услышала голоса из кладовой.

Дверь была открыта не полностью, только настолько, чтобы из коридора видеть край стола и несколько деревянных полок.

— Этот мешок оставь, — сказал мужчина.

Сания узнала Павла Семеновича, заведующего хозяйственной частью.

Он был одним из тех взрослых, которых дети замечали раньше, чем те успевали заговорить. По коридору Павел Семенович ходил неторопливо, с большим кольцом ключей у пояса. Когда он проходил мимо, разговоры сами становились тише. Сания не знала, почему остальные его боялись. Он почти никогда не кричал.

— Его же на кухню, — ответила женщина.

— Я сказал, оставь.

— Но по записи...

— Я сам разберусь с записью.

Женщина замолчала.

Через несколько секунд она вышла из кладовой и увидела Санию.

— Ты чего здесь стоишь?

— Иду.

Сания действительно собиралась уйти, но перед тем как отвернуться, посмотрела внутрь.

На полках лежали буханки.

Много.

Павел Семенович складывал их в мешок.

Он поднял голову и заметил ее.

— Что тебе?

— Ничего.

— Тогда иди.

Сания ушла.

Вечером она снова получила тонкий кусок хлеба.

На следующий день дверь кладовой была заперта.

Через два дня она увидела из окна, как Павел Семенович вместе с незнакомым мужчиной вынес через задний двор мешок и положил его на телегу.

Сания долго смотрела вслед.

Она хотела рассказать заведующей, но не знала, что именно должна сказать.

Видела хлеб.
Видела мешок.
Видела телегу.

Она не знала, куда этот хлеб повезли и кому он предназначался. Может быть, так было положено. Может быть, продукты отправляли в другое место. Взрослые всегда знали больше, чем дети, и Саня слишком хорошо помнила, как легко можно ошибиться, когда знаешь только половину.

Поэтому решила подождать.
Через несколько дней ждать больше не пришлось.

После ужина дети выходили из столовой шумной толпой. Кто-то торопился в спальню, кто-то допивал воду, младших воспитательница собирала возле двери и пересчитывала второй раз, потому что один постоянно куда-то исчезал.

Саня уже почти дошла до лестницы, когда услышала удар.
Потом тихий детский голос:

— Отдайте.

Она остановилась.

Голос доносился из хозяйственного коридора.

Саня свернула туда.

Павел Семенович стоял возле стены. Перед ним был мальчик, которого Саня несколько раз видела за столом. Худой, темноволосый, в слишком большой кофте, которая сползала с одного плеча.

В руках Павел Семенович держал кусок хлеба.

Мальчик прижимал ладонь к щеке.

— Я сказал, иди, — произнес мужчина.

Мальчик не двигался.

— Это мое.

Павел Семенович посмотрел на него так, будто не сразу понял, что ребенок решился возразить.

— Что?

— Мне дали за ужином.

— Значит, надо было съесть.

— Я на завтра оставил.

Мужчина усмехнулся.

— На завтра тебе завтра дадут.

Он хотел уйти.

Мальчик схватился за край его рукава.

Павел Семенович резко развернулся и ударил его еще раз.

Теперь мальчик упал.

Саня почувствовала, как внутри все мгновенно сжалось.

Она увидела не его.

Марлен тоже был маленьким. Тоже всегда держал еду обеими руками. Когда отец отдавал ему свою лепешку, Марлен брал ее сразу, потому что в пять лет еще не умел отказываться от еды ради другого.

Саня подошла ближе.

— Отдайте ему хлеб.

Павел Семенович повернул голову.

— Что?

Саня сама услышала, как быстро бьется ее сердце.

— Это его.

Мальчик поднялся с пола.

Он посмотрел на Санию и едва заметно покачал головой.

Не надо.

Она поняла.

Но не отошла.

— Иди в спальню, — сказал Павел Семенович.

— Вы забрали его хлеб.

— Я сказал, иди.

Сания посмотрела на кусок в его руке.

— И из кладовой забираете.

На этот раз мужчина замолчал.

Что-то изменилось в его лице. Не сильно. Просто исчезло раздражение.

Он стал внимательным.

— Что ты знаешь про кладовую?

Сания почувствовала страх.

Он пришел раньше, чем она успела решить, чего именно боится.

Так бывало уже много раз. Возле костра в степи. Перед тем как мать упала у стола регистрации. Перед дверью отделения, когда Анна Петровна слишком долго молчала.

— Я видела.

— Что ты видела?

— Хлеб.

— Хлеб хранится в кладовой. Удивительно.

Он сделал шаг.

Сания отступила.

— Потом его увезли.

— Ты следила за мной?

— Нет.

— Лазила возле склада?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Сания не ответила.

Павел Семенович подошел еще ближе.

— Может, сама туда полезла? Что-нибудь взяла?

— Я ничего не брала.

— Конечно.

Он протянул руку и схватил ее за плечо.

Сания сразу дернулась.

— Отпустите.

— Стой.

— Отпустите меня.

Он сжал сильнее.

Боль прошла по плечу.

Сания ударила его свободной рукой.

Это ничего не изменило.

Тогда она наклонилась и изо всех сил укусила его за кисть.

Павел Семенович вскрикнул и отпустил ее.

Сания отскочила.

На подоконнике стояла металлическая кружка.

Она схватила ее прежде, чем успела подумать.

Павел Семенович шагнул к ней.
Сания ударила.
Кружка попала ему сбоку в голову.
Мужчина пошатнулся.
На несколько секунд все остановилось.
Сания смотрела на него и вдруг испугалась, что сделала что-то непоправимое.
Потом он поднял голову.
Она сразу поняла, что нет.
Удар пришелся ей в лицо так быстро, что Сания даже не увидела руки.
Стена и пол поменялись местами.
Она оказалась на коленях, потом на боку. В ушах загудело. Щека горела, во рту появился металлический привкус.
Павел Семенович поднял ее за ворот.
— Встала.
Сания попыталась вырваться.
— Не трогайте меня!
— Встала, я сказал.
Мальчик все еще стоял рядом.
Сания увидела его поверх руки Павла Семеновича.
— Позови воспитательницу!
Он не двинулся.
— Беги!
Мальчик смотрел на нее широко раскрытыми глазами.
Павел Семенович повернул голову.
— Али.
Сания впервые услышала его имя.
— Иди отсюда.
Али отступил на шаг.
Павел Семенович потащил Санию дальше по коридору.
Она цеплялась за стены, хваталась за дверные косяки, пыталась бить его ногами. Он тащил ее почти без усилий.
В конце коридора открыл дверь.
Из темноты пахнуло сыростью и холодом.
Сания сразу поняла, что это кладовая.
— Нет.
Она вцепилась пальцами в косяк.
— Нет!
Павел Семенович потянул ее.
Сания держалась.
Тогда он начал разжимать ее руки.
Сначала один палец.
Потом другой.
Сания вдруг перестала видеть его.
Перед глазами возник детприемник.
Марлен держит ее.
Чьи-то взрослые руки разжимают их пальцы.
Один.
Второй.
Третий.

— Не надо!
Сания закричала и ударила Павла Семеновича ногой.
Он выругался.
Последние пальцы соскользнули с дерева.
Санию толкнули внутрь.
Она упала на пол.
Дверь закрылась.
Через секунду повернулся ключ.
Сания бросилась к двери.
— Откройте!
Она ударила кулаками.
— Выпустите меня!
Снаружи Павел Семенович молчал.
— Я все расскажу!
Тогда он ответил:
— Рассказывай.
Голос был спокойным.
Сания перестала стучать.
— Я скажу, что видел тебя возле склада. Что поймал, когда ты туда лезла.
— Я не лезла.
— А кому поверят?
Сания прижалась лбом к холодной двери.
— Али видел.
Несколько секунд за дверью ничего не происходило.
Потом Павел Семенович позвал:
— Али.
Послышались шаги.
— Скажи ей. Ты что-нибудь видел?
Тишина.
— Али! — крикнула Сания.
Мальчик не отвечал.
— Он отобрал у тебя хлеб!
Снова ничего.
Павел Семенович спросил:
— Я забирал у тебя хлеб?
Пауза затянулась.
Потом Али очень тихо сказал:
— Нет.
Сания будто перестала мерзнуть.
Она просто стояла.
— Врешь, — сказала она.
Ответа не было.
Павел Семенович усмехнулся.
— Видишь?
Потом голос стал тише.
— И запомните оба. Здесь детей сотни. Сегодня одного привезли, завтра другого увезли.
Если кто-нибудь из вас решит слишком много говорить, никто не станет разбираться, куда вы делись.
Сания сразу вспомнила список.

Двенадцать детей выехали.
Одиннадцать приехали.
Марлена не было среди них.
По спине прошел холод.
— Врете.
— Проверять не советую.
Ключи звякнули.
Павел Семенович ушел.
Через несколько секунд исчезли и шаги Али.
Сания осталась одна.
Поначалу она продолжала стучать.
Звала воспитательницу.
Кричала так громко, как могла.
Мать велела именно так.
Громко.
При всех.
Не молчи.
Только сейчас рядом никого не было.
Кладовая находилась далеко от спален, а толстая дверь почти не пропускала звук.
Через некоторое время Сания поняла, что голос стал хриплым.
Она перестала кричать.
Глаза постепенно привыкли к темноте. Вдоль стен стояли мешки и ящики, под потолком находилось маленькое окно. Через него еще проникал слабый вечерний свет.
От каменного пола шел холод.
Сания начала ходить.
Пять шагов до стены.
Пять обратно.
Так было теплее.
Она считала шаги, потому что, пока считала, не думала.
Но мысли все равно возвращались.
Один ребенок исчезнет, никто не станет искать.
Марлен исчез.
Нет.
Сания остановилась.
Марлен не исчез.
Он был где-то.
Это другое.
Она снова пошла.
Пять шагов.
Поворот.
Пять обратно.
За окном постепенно стемнело.
Сания не знала, сколько прошло времени. В какой-то момент она перестала чувствовать пальцы ног. Потом начала дрожать так сильно, что пришлось сесть на мешок и обхватить себя руками.
Она думала об Али.
Сначала со злостью.
Он видел все.
Мог сказать.

Вместо этого соврал.
Сания понимала, что он испугался. Она видела это еще в коридоре.
Но сама тоже боялась.
Боялась мужчин возле костра.
Боялась, когда умер отец.
Боялась за мать.
Боялась, когда Марлена уводили.
Страх не мешал говорить правду.
Так ей казалось.
Поэтому простить Али она не могла.
В какой-то момент Сания заметила, что плачет.
Слезы были теплыми только мгновение, потом становились холодными на щеках.
Она сердито вытерла их.
Завтра она все равно расскажет заведующей.
Даже если Али снова соврет.
Даже если Павел Семенович скажет, что она воровка.
Если ей не поверят, она придет еще раз.
Сания уже умела приходить еще раз.
Она не заметила, как уснула.
Проснулась от звона.
Сначала решила, что ей приснились ключи Павла Семеновича.
Потом звук повторился.
Тихо.
Прямо за дверью.
Сания поднялась.
— Кто там?
Никто не ответил.
Послышался шепот:
— Тише.
Она узнала голос.
— Али?
— Не кричи.
Что-то заскребло внутри замка.
Сания подошла ближе.
— Что ты делаешь?
— Пытаюсь открыть.
— Чем?
— Ключами.
Сания замолчала.
— Откуда они у тебя?
За дверью снова звякнул металл.
— Взял.
— У кого?
— У него.
Первый ключ не подошел.
Потом второй.
Али тяжело дышал.
— Их много.

Сания вдруг представила его в темном коридоре, босого, с огромным кольцом ключей в руках.

— Если он тебя поймает...

— Не поймает.

— Откуда знаешь?

Али помолчал.

— Не знаю.

Сания прижалась ладонью к двери.

Еще один ключ не подошел.

— Уходи, — сказала она.

Снаружи стало тихо.

Сания сама не ожидала от себя этих слов.

— Что?

— Если поймает, тебя тоже сюда посадит.

— Я почти нашел.

— Али.

— Тихо.

Следующий ключ вошел в замок.

Щелчок.

Они оба замерли.

Али осторожно повернул его.

Дверь открылась.

Сания увидела мальчика в тусклом свете коридорного окна.

Он стоял босиком, с растрепанными волосами, прижимая к груди связку ключей, которая казалась слишком тяжелой для его тонких рук.

На щеке темнел след от удара.

Сания смотрела на него.

Али тоже не двигался.

— Почему ты соврал? — спросила она.

Он опустил глаза.

— Я испугался.

— Я тоже.

Али ничего не ответил.

Сания хотела сказать, что это не оправдание.

Хотела напомнить, что он оставил ее здесь одну.

Но мальчик поднял голову и тихо сказал:

— Я вернулся.

Сания замолчала.

Это было правдой.

Он вернулся.

Али протянул ей руку.

— Пойдем.

Сания посмотрела на его ладонь.

Она была маленькой.

Почти такой же, как у Марлена.

Но не такой.

Сания уже знала, что никакого другого ребенка нельзя принять за брата, даже если он того же роста, того же возраста и так же держит руку.

Марлен был Марленом.

Али был Али.
Она взяла его за руку.
Пальцы у него были теплыми.
И вместе они вышли из кладовой.

Глава 7. Свидетель

Утром Сания проснулась раньше остальных и сначала не поняла, почему так сильно болит щека. Потом повернулась на другой бок, почувствовала, как натянулась кожа, и все вернулось сразу: хозяйственный коридор, металлическая кружка в руках, удар, темная кладовая, голос Павла Семеновича за дверью и Али, который сказал, что ничего не видел, а ночью все равно пришел с украденными ключами.

В спальне еще было темно. Кто-то тихо кашлял у окна, одна из девочек во сне тянула на себя одеяло, другая недовольно что-то бормотала, не просыпаясь. Сания лежала неподвижно и смотрела в потолок. Вчера в кладовой она решила, что утром сразу пойдет к заведующей, и за ночь решение не изменилось. Если Павел Семенович действительно забирал продукты у детей, нужно было рассказать. Если он запирали детей в кладовой и мог ударить мальчика за кусок хлеба, тем более.

Она думала только об одном: теперь рядом будет Али.

Вчера он испугался, потому что Павел Семенович стоял рядом. Сания это понимала. Ночью мальчик все-таки вернулся, украл ключи и выпустил ее. Значит, утром, когда рядом будет заведующая, он сможет сказать правду.

После подъема Сания умылась холодной водой и, не дожидаясь завтрака, пошла к кабинету заведующей. Та уже сидела за столом, просматривая какие-то бумаги. Увидев Санию в дверях, она сразу потянулась к папке, в которой лежали ответы на запросы о детях.

— Про Марлена пока ничего нет.

— Я не про Марлена.

Заведующая подняла голову и только тогда внимательно посмотрела на ее лицо.

— Что с щекой?

Сания вошла.

Сначала она рассказала про хлеб. Про то, что куски несколько дней становились меньше, про открытую кладовую, где Павел Семенович складывал буханки в отдельный мешок, потом про телегу, на которую этот мешок погрузили. Заведующая слушала молча, иногда задавая короткие вопросы. Когда Сания дошла до вчерашнего вечера и рассказала, как Павел Семенович забрал у мальчика хлеб, ударил его, а потом запер ее в кладовой, женщина перестала писать.

— Он запер тебя там одну?

— Да.

— Надолго?

— До ночи.

— Кто тебя выпустил?

— Али.

Заведующая нахмурилась.

— Как?

— Взял ключи.

— У кого?

— У Павла Семеновича.

Женщина отложила карандаш и еще раз посмотрела на опухшую щеку Сании.

— Ты уверена, что все было именно так?

Сания почувствовала раздражение.

— Да.

— Я не говорю, что ты врешь. Мне нужно понять точно.

Сания уже слышала подобные слова раньше. Взрослые произносили их, когда начинали сомневаться, но еще не хотели сказать об этом прямо.

— Позовите Али.

Заведующая несколько секунд смотрела на нее, потом попросила проходившую по коридору воспитательницу привести мальчика.

Сания ждала стоя.

Когда Али появился в дверях, по его лицу она сразу поняла, что он знает, зачем его позвали. Волосы после сна еще торчали на затылке, кофта сползала с одного плеча, а на щеке оставался едва заметный след вчерашнего удара. Он посмотрел на Санию и почти сразу отвел глаза.

Это ей не понравилось.

— Али, подойди, — сказала заведующая.

Он встал возле стола.

— Сания рассказала, что вчера Павел Семенович отобрал у тебя хлеб и ударил тебя. Это правда?

Али молчал.

Сания ждала.

Теперь Павла Семеновича здесь не было. За дверью проходили воспитатели, из столовой доносились голоса детей и звон посуды. Ничего не могло случиться прямо сейчас.

Али покачал головой.

— Нет.

Сания несколько секунд смотрела на него, не понимая.

— Что?

Заведующая повернулась к ней.

— Сания, подожди.

Потом снова спросила мальчика:

— Он тебя не бил?

— Нет.

— А хлеб у тебя забирал?

Али потер пальцами край рукава.

— Нет.

Сания сделала шаг к нему.

— Ты зачем врешь?

Он не поднял головы.

— Вчера он тебя ударил. Я видела.

— Сания, дай ему самому ответить.

— Но он врет.

Али стоял совсем рядом. Сания смотрела на него и пыталась понять, как тот же мальчик, который несколько часов назад босиком ходил по темному коридору с огромным кольцом ключей, теперь не может произнести несколько слов.

— Расскажи, что произошло, — сказала заведующая. — Не бойся.

Али помолчал.

— Я хлеб уронил.

Сания нахмурилась.

— Что?

— Я уронил. Потом нашел.

— Ты говорил, что он твой забрал.

Али снова промолчал.

Сания почувствовала, как внутри начинает подниматься злость. В кладовой она сердилась на него за то, что он испугался. Потом простила хотя бы наполовину, потому что он вернулся. Теперь стало хуже, чем вчера.

Потому что сейчас он выбирал ложь сам.

В коридоре послышался знакомый звон ключей.

Сания сразу обернулась.

Павел Семенович остановился у двери. На виске у него темнел синяк, а на правой кисти оставались следы ее зубов.

Он посмотрел сначала на Санию, потом на Али.

— Что случилось?

Заведующая указала ему войти.

— Сания говорит, что вчера вы заперли ее в кладовой.

Павел Семенович несколько секунд молчал, потом вздохнул так, будто именно этого разговора и ожидал.

— Я так и думал.

— Что вы думали? — спросила Сания.

Он посмотрел на нее.

— Что утром начнешь что-нибудь придумывать.

— Я ничего не придумываю.

— Сания, помолчи, — сказала заведующая.

Павел Семенович протянул руку и показал следы укуса.

— Вчера нашел ее возле склада. Начал спрашивать, что она там делает. Она бросилась на меня, укусила, потом ударила металлической кружкой.

— Потому что вы били Али!

Павел Семенович повернулся к мальчику.

— Али, я тебя бил?

Сания тоже посмотрела на него.

Теперь ей казалось, что даже дыхание остановилось.

Али едва заметно покачал головой.

— Нет.

Сания почувствовала себя так, будто снова оказалась за закрытой дверью кладовой.

Только теперь дверь была открыта.

— А кладовая? — спросила заведующая.

Павел Семенович пожал плечами.

— Посадил ее туда ненадолго, чтобы успокоилась. Девчонка была сама не своя, бросалась, кричала. Хотел привести воспитательницу, а потом оказалось, что она уже вышла.

— Я сидела там до ночи.

— Зимой темнеет рано.

— Вы меня специально закрыли.

— А ты специально ударила взрослого кружкой.

Сания сжала кулаки.

Заведующая заметила.

— Спокойно.

Потом спросила про продукты.

Павел Семенович отвечал уже увереннее. Сказал, что хлеб хранится на складе и иногда переносится между корпусами, что мешки ежедневно получают и выдают, что ребенок не может знать, какой продукт куда предназначен. Он говорил спокойно, без спешки, и с каждым новым объяснением история Сании будто становилась все менее настоящей.

Она видела, как это происходит.

Еще утром все было просто.

Она видела хлеб.

Видела Али.

Видела удар.

Потом ее заперли.

Теперь оказалось, что хлеб просто переносили, Али никто не бил, а в кладовой она оказалась потому, что сама напала на взрослого.

Сания резко повернулась к Али.

— Расскажи про ключи.

Он вздрогнул.

Павел Семенович тоже посмотрел на него.

— Какие ключи?

— Он ночью вас обокрал. Взял ключи и открыл мне дверь.

В кабинете стало тихо.

— Али? — спросила заведующая.

Мальчик побледнел.

Павел Семенович ничего не сказал. Просто смотрел.

Этого оказалось достаточно.

— Я не брал.

Сания несколько секунд не могла поверить.

— Ты пришел ко мне.

Али молчал.

— Ты сам открыл дверь.

— Сания...

— Ты говорил, что ключей много.

Он опустил голову еще ниже.

Павел Семенович усмехнулся.

— Девочка, похоже, решила придумать целую историю.

Сания развернулась к нему.

— Я не придумываю!

— Хватит, — сказала заведующая уже громче.

Сания замолчала.

Женщина некоторое время сидела, глядя то на Павла Семеновича, то на детей. Потом сказала, что разберется отдельно, а Сании велела идти завтракать.

— А хлеб?

— Я сказала, что разберусь.

— Как?

— Это уже дело взрослых.

Сания почувствовала знакомое раздражение.

Дело взрослых.

Взрослые распределяли детей.

Взрослые писали списки.

Взрослые отправили Марлена в детский дом номер четыре.

Потом никто не смог объяснить, почему он туда не приехал.

Она ничего не сказала.

Просто посмотрела на Али и вышла.

В столовую Сания не пошла.

Она вышла во двор и села на скамью возле стены. Было холодно, но после кладовой этот холод казался почти обычным. Старый снег возле дорожек стал серым, дети бегали по двору, кто-то катил перед собой ком, пытаясь сделать снежный шар.

Сания смотрела на них и думала об Али.

Если бы он просто испугался и ничего не сделал вчера ночью, ей было бы легче.

Тогда все было понятно.

Он трус.

Но Али вернулся.

Украл ключи у человека, которого боялся.

Рисковал, что его поймают.

Открыл дверь.

А утром соврал.

Сания не понимала, как эти две вещи помещались в одном человеке.

Она решила больше с ним не разговаривать.

Это решение продержалось до обеда.

Когда Сания возвращалась в спальню, Али ждал возле стены.

Она увидела его издали и сразу свернула в другую сторону.

— Сания.

Она продолжила идти.

— Подожди.

Он побежал следом.

— Я хочу объяснить.

— Не надо.

— Подожди.

Сания остановилась и резко повернулась.

— Что?

Али тоже остановился.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Я испугался.

Сания почти засмеялась.

— Вчера ты тоже боялся.

— Да.

— Но вчера пришел.

Али опустил глаза.

— Ночью он спал.

Сания нахмурилась.

— И что?

— Он меня не видел.

— А сегодня заведующая была рядом.

— А потом?

— Что потом?

Али посмотрел на нее так, будто ответ был очевидным.

— Потом заведующая уйдет. Воспитатели уйдут. А он останется здесь.

Сания замолчала.

— Он каждый день ходит по коридорам, — продолжил Али. — У него ключи от всего. Он знает, где мы спим. Знает, кого куда отправляют. Если бы я сказал...

— Что?

Али пожал плечами.

— Не знаю.

— Вот именно.

— А вдруг он не врал?

Сания сразу поняла, о чем он.

Вчера за дверью Павел Семенович сказал, что один ребенок может исчезнуть и никто не станет искать.

— Он врал.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что...

Сания не договорила.

Марлен.

Али увидел это по ее лицу.

— У тебя брат пропал.

Сания сразу напряглась.

— Не говори про него.

— Я не хотел обидеть.

— Тогда не говори.

— Я просто подумал, что если один уже пропал...

— Марлен не пропал.

Али замолчал.

Сания сама услышала, как резко это прозвучало.

— Его просто не нашли.

— Хорошо.

— Он где-то есть.

— Я ничего не говорю.

Сания отвернулась.

Несколько секунд они молчали.

Потом Али сказал:

— Поэтому я испугался.

Она снова посмотрела на него.

— Когда Павел Семенович сказал, что может сделать так, что никто не найдет, я поверил.

Потому что ты каждый день ищешь брата, а взрослые не знают, где он.

Сания хотела снова разозлиться.

Но не смогла.

Потому что ночью в кладовой подумала о том же самом.

Двенадцать детей уехали.

Одиннадцать приехали.

Одного не оказалось.

— Я не хотел, чтобы тебя там оставили, — сказал Али. — Поэтому забрал ключи.

— А утром оставил меня одну.

Он кивнул.

— Да.

Никакого оправдания после этого не последовало.

— Я соврал.

Али произнес это тихо, но впервые с самого утра посмотрел ей прямо в глаза.

— Я знаю.

— Прости.

Сания молчала.

Ей хотелось сказать, что не простит.

Чтобы он ушел и больше не подходил.

Но теперь она уже понимала то, чего не понимала утром.

Храбрость ночью не уничтожала страх утром.

И страх утром не делал ночной поступок ненастоящим.

Человек мог испугаться и все равно вернуться.

А потом снова испугаться.

Сания не знала, нравится ли ей такое устройство людей.

Наверное, нет.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

Али удивился.

— Семь.

Сания думала, что ему меньше.

Он был слишком худым для семи, да и ростом почти не отличался от детей младшей группы.

— А родители где?

Али пожал плечами.

— Не знаю.

— Умерли?

— Может быть.

— Как это, может быть?

— Просто не знаю.

Он рассказал, что мать однажды оставила его у знакомых и сказала, что скоро вернется.

Потом прошло много времени. Те люди сами куда-то уехали, Али оказался у других, потом некоторое время жил возле станции, пока его не подобрали и не отправили в приемник.

Сания слушала молча.

— А отец?

— Не помню.

— Совсем?

— Совсем.

Сания попыталась представить, как можно не помнить собственного отца.

У нее сразу появилось его лицо.

Усталое.

Худое.

Палец касается складки между бровями.

Маленькая старуха.

Она подумала, что даже если проживет очень долго, забыть это не сможет.

Али, наоборот, почти ничего не имел, что можно было бы вспоминать.

После этого разговора Сания не простила его сразу.

Еще несколько дней она отвечала коротко и делала вид, что не замечает, когда он садится рядом. Али тоже не пытался постоянно просить прощения. Просто начал появляться возле нее чаще.

Иногда оставлял ей место за столом.

Однажды принес кружку воды, когда увидел, что она кашляет после бега.

В другой раз помог найти пуговицу, оторвавшуюся от кофты, и долго ползал под кроватями, пока не вытащил ее из-под тюфяка.

Сания каждый раз хотела спросить, зачем он это делает.

Потом перестала.

Через некоторое время присутствие Али рядом стало таким же обычным, как кашель девочки у окна или скрип кровати ночью.

Однажды за обедом мальчик помладше уронил хлеб в миску с водой. Кусок размок почти сразу. Ребенок посмотрел на него и начал плакать.

Али сидел рядом.

Он посмотрел на свой хлеб, отломил кусок и протянул мальчику.

— Возьми.

— А тебе?

— Мне хватит.

Сания подняла голову.

Эти слова она уже слышала.

Отец говорил почти то же самое, когда отдавал детям свою лепешку.

Али заметил ее взгляд.

— Что?

— Ничего.

Но после обеда Сания сама дождалась его возле двери.

С этого дня они начали разговаривать больше.

Али знал про детский дом то, чего Сания еще не успела узнать. В какой части спальни зимой меньше дует, у какой воспитательницы лучше просить одеяло, где иногда можно взять старые книги и в какой час на кухне остаются самые теплые ведра с водой.

Сания рассказывала ему про Марлена.

Сначала только то, что было важно для поиска: пять лет, темные волосы, группа из двенадцати детей, детский дом номер четыре, куда он так и не поступил. Потом рассказала про дорогу, про то, как отец носил Марлена на спине и изображал лошадь, как мальчик каждый раз обещал крепко держаться и как долго верил, что отец просто идет следом.

Али никогда не спрашивал, может ли Марлен быть мертв.

Сания это заметила.

За это она стала доверять ему сильнее.

Однажды вечером они сидели возле окна. На улице шел снег, крупный и медленный. Дети возле стекла пытались ловить хлопья ладонями с другой стороны, потом смеялись, когда снег проходил мимо.

Али спросил:

— А что ты сделаешь, когда найдешь Марлена?

Сания удивилась.

Она всегда думала только о самом поиске. Найти означало закончить главное. Что будет после, она почти не представляла.

— Заберу его.

— Куда?

Сания посмотрела в окно.

Раньше был дом.

Потом отец обещал комнату в Алма-Ате.

Мать обещала свое окно.

Теперь у Сании не было ничего, куда можно было кого-нибудь забрать.

— Когда выйду отсюда, буду работать.

— Где?

— Найду.

— А жить где?

— Тоже найду.

Али улыбнулся.

— Ты ничего не знаешь.

— Зато знаю, что заберу Марлена.

— А если он будет далеко?

— Поеду.

— А если очень далеко?

— Все равно.

Али немного подумал.

— Хорошо.

Они снова смотрели в окно.

Через некоторое время он спросил:

— А я?

Сания повернулась.

— Что ты?

— Меня кто заберет?

Он спросил почти равнодушно, но смотрел не на нее, а на снег.

Сания вспомнила, как впервые увидела его в хозяйственном коридоре. Тогда на мгновение ей показалось, что перед ней Марлен. Такой же маленький мальчик, которого взрослый держит за руку и который не может ничего сделать.

Теперь Али совсем не напоминал брата.

У него был другой голос, другие привычки, другая улыбка. Марлен злился, если его заставляли долго идти, Али мог часами сидеть на одном месте. Марлен верил почти всему, что говорили старшие. Али сначала думал, где взрослый может соврать.

Это был не Марлен.

Сания больше и не хотела, чтобы он был похож.

— Я заберу, — сказала она.

Али повернулся к ней.

— Куда?

— Вместе с Марленом.

— Ты же сама не знаешь куда.

— Узнаю.

— А если не получится?

Сания уже собиралась сказать «получится», но остановилась.

Отец тоже обещал дойти до Алма-Аты.

Мать обещала комнату.

Сама Сания обещала Марлену не отпускать его руку.

Иногда человек говорил правду в тот момент, когда обещал, а потом все равно не мог выполнить.

Она уже это знала.

Поэтому ответила иначе.

— Я найду Марлена. Потом, когда смогу уйти отсюда и работать, заберу вас обоих. Постараюсь.

Али долго смотрел на нее.

— Правда?

— Да.

— Даже после того, что я сделал?

Сания подумала.

— Ты соврал.

Он кивнул.

— Но потом признался.

— Я еще и ключи украл.

— Это тоже.

Али улыбнулся.

Сания толкнула его плечом.

— Этим не надо хвастаться.

— А ты человека кружкой ударила.

— Он первый начал.

— Конечно.

Сания посмотрела на него.

Али попытался сохранить серьезное лицо, но не выдержал и засмеялся.

Через несколько секунд Сания тоже улыбнулась.

Потом снова посмотрела в окно.

Она не знала, где сейчас Марлен. Не знала, сколько лет пройдет, прежде чем ей позволят самой решать, куда идти и где жить. Не знала, останется ли Али рядом к тому времени и сможет ли она выполнить новое обещание лучше предыдущего.

Но впервые после смерти матери будущее перестало выглядеть как дорога, по которой ей придется идти совершенно одной.

Теперь там были двое.

Марлен, которого она еще должна была найти.

И Али, которого уже нашла.

Глава 8. До больницы

Эпидемия началась с нескольких детей.

Сначала в младшей спальне заболел мальчик, который еще утром бегал вместе со всеми. К вечеру у него поднялась температура, на следующий день его уже не было за столом. Потом заболела девочка из соседней комнаты. Потом еще двое.

Взрослые старались не говорить при детях, но слово все равно быстро разошлось по детскому дому.

Дифтерия.

Сания не знала, что именно происходит с человеком при этой болезни. Она только замечала, как менялось поведение взрослых. Воспитательницы чаще открывали окна, хотя на улице стоял холод. Детей заставляли полоскать горло, следили, чтобы они не пили из чужих кружек, ругали тех, кто кашлял и все равно пытался идти в общую спальню. Но в детском доме было слишком тесно, чтобы действительно держаться друг от друга подальше. Дети спали близко, менялись одеждой, пользовались одними полотенцами, сидели рядом за столами и по привычке доедали друг за другом хлеб.

Через несколько дней свободных мест в маленьком изоляторе почти не осталось.

Сания стала следить за Али внимательнее, чем раньше.

Сама она этого сначала не замечала. Просто смотрела, сколько он съел утром. Спрашивала, почему кашлянул. Однажды заставила показать горло, хотя не знала, что там должна увидеть.

Али смеялся.

— Ты теперь врач?

— Нет.

— Тогда зачем смотришь?

— Просто.

— Ничего у меня нет.

Он специально доел свою кашу до конца и показал пустую миску.

— Видишь?

Сания посмотрела.

— Хлеб тоже съешь.

— А если оставлю на потом?

— Тогда оставь.

— Ты сама не знаешь, чего хочешь.

Она толкнула его локтем.

Али улыбнулся.

Через два дня его место за завтраком осталось пустым.

Сания заметила это сразу.

Сначала решила, что он опоздал. Потом подумала, что его могли отправить помогать по хозяйству. Но дети уже начали вставать, а Али все не появлялся.

Она нашла его в спальне.

Он лежал лицом к стене, подтянув колени к животу, и не повернулся, когда Сания вошла.

— Али.

Мальчик пошевелился.

— Что?

Голос был хриплым.

Сания подошла ближе.

— Почему не пришел есть?

— Не хочу.

Это напугало ее сильнее, чем кашель.

Али почти никогда не говорил, что не хочет есть.

Она села рядом и приложила ладонь к его лбу. Именно так когда-то делала мать.

Лоб был горячим.

— У тебя температура.

— Наверное.

— Горло болит?

Али помолчал.

— Немного.

— С каких пор?

— Со вчера.

Сания сразу встала.

— Я позову воспитательницу.

Он поймал ее за рукав.

— Не надо.

— Почему?

— В изолятор отправят.

— И что?

— Там все больные.

Сания посмотрела на него.

— Ты тоже больной.

— Я поправлюсь.

Она уже слышала это раньше.

Не точно такими словами, но достаточно близко.

Мать тоже говорила, что пройдет.

Сания освободила рукав.

— Подожди здесь.

— Я и так здесь.

Через час Али перевели в изолятор.

Сания ходила туда почти весь день.

Ее не пускали внутрь, поэтому она стояла у двери и ждала, пока выйдет кто-нибудь из взрослых. Каждый раз задавала одни и те же вопросы.

— Что с ним?

— Температура.

— Это дифтерия?

— Пока не знаем.

— Его повезут в больницу?

— Если понадобится.

— А когда понадобится?

— Сания, иди в спальню.

Она уходила.

Потом возвращалась.

На следующий день Али стало хуже.

Сания поняла это еще до того, как увидела его. Теперь из-за двери слышалось тяжелое дыхание, иногда кашель, но кашель был не такой, как обычно. Будто что-то мешало воздуху пройти через горло.

Когда Санию наконец пустили внутрь, Али лежал у окна.

Лицо стало бледнее, губы сухими. Он тяжело дышал через рот. На шее появилась припухлость.

Сания остановилась возле кровати.

— Али.

Он открыл глаза.

— Ты опять пришла.

— Конечно.

— Тебя прогонят.

— Уже прогоняли.

Она села рядом.

— Тебе больно?

— Когда глотаю.

Сания дала ему воду.

Он сделал один маленький глоток и сразу поморщился.

— Все?

Али кивнул.

Сания поставила кружку.

— Я сказала, чтобы тебя отвезли в больницу.

Он слабо усмехнулся.

— Ты всем командуешь.

— Потому что никто ничего не делает.

— Делают.

— Что?

Али посмотрел на потолок.

— Не знаю.

Сания тоже не знала.

Она только видела, что ему хуже.

Перед тем как уйти, она сказала:

— Когда выздоровеешь, покажу тебе всю бумажку про Марлена.

— Я ее уже видел.

— Там новые места.

— Еще добавила?

— Да.

— Много?

— Много.

Али чуть улыбнулся.

— Тогда долго искать придется.

— Я все равно найду.

Он закрыл глаза.

Сания смотрела на него еще несколько секунд.

— И тебя потом заберу.

Али открыл глаза снова.

— Ты помнишь?

— Конечно помню.

— А если места не будет?

— Найдем.

— А если денег не будет?

— Буду работать.

— Много?

— Сколько надо.

Али хотел что-то ответить, но начал кашлять.

Сания сразу перестала говорить.

Вечером она пошла к заведующей.

Та выглядела уставшей. На столе лежало несколько листов, рядом стояла кружка, к которой она, похоже, давно не прикасалась.

Сания вошла без стука.

— Али нужно в больницу.

Заведующая подняла голову.

— Врач его видел.

— Ему хуже.

— Я знаю.

— Тогда почему его не везут?

Женщина некоторое время молчала.

— Потому что больных сейчас много.

Сания ждала.

— И что?

— В больницах не хватает мест.

— Но Али болеет.

— Не только Али.

— Тогда пусть его положат куда-нибудь еще.

Заведующая устало потерла лоб.

— Сания, это не так просто.

— Почему?

— Потому что город переполнен больными. Не всех можно сразу госпитализировать. Часть детей приходится оставлять здесь.

— А лекарство?

Женщина посмотрела на нее.

— Лекарств тоже не хватает.

Сания нахмурилась.

— Для Али?

— Для всех.

Она не сразу поняла.

— А если ему станет совсем плохо?

Заведующая не ответила.

Этого оказалось достаточно.

Сания почувствовала тот же страх, который появлялся рядом с больной матерью. Тогда взрослые тоже что-то делали, приносили лекарства, меняли тряпки на лбу, говорили, что наблюдают.

И мать все равно умерла.

— Его надо отвезти.

— Сания.

— Надо.

— Я не могу взять ребенка и отвезти туда, где его не примут.

— А если я отвезу?

Заведующая даже не поняла вопроса.

— Что?

Сания промолчала.

Она уже знала ответ.

Нельзя.

Взрослые очень часто говорили это слово.

Нельзя оставить Марлена рядом.

Нельзя узнать, куда он делся.

Нельзя наказать Павла Семеновича без доказательств.

Теперь нельзя отвезти Али.

Сания вышла из кабинета.

К вечеру его дыхание стало еще тяжелее.

Сания видела это через приоткрытую дверь изолятора.

И тогда решила.

Тележку она заметила еще несколько дней назад. На ней с кухни возили мешки и ящики. Небольшая деревянная платформа на двух колесах с длинной ручкой.

До больницы было далеко.

Но не настолько далеко, чтобы не дойти.

Сания однажды проходила мимо нее вместе с другими детьми и помнила дорогу хотя бы примерно.

Этого было достаточно.

Она дождалась ночи.

В спальне долго не засыпали. Кто-то разговаривал шепотом, кто-то кашлял, воспитательница несколько раз заходила проверить детей. Сания лежала неподвижно и ждала.

Когда коридор наконец стих, она встала.

Обувь надела в руках и только возле двери обулась, чтобы не шуметь.

Тележка стояла возле кухни.

Колеса скрипнули, когда Сания начала вытаскивать ее наружу.

Она остановилась.

Прислушалась.

Никто не вышел.

Тогда вернулась за Али.

В изоляторе горела слабая лампа. Женщина, которая дежурила ночью, спала на стуле возле дальней стены.

Сания подошла к кровати.

— Али.

Он не ответил.

— Али.

Она тронула его за плечо.

Глаза открылись не сразу.

— Сания?

— Тихо.

— Что ты здесь делаешь?

— Мы едем в больницу.

Али посмотрел на нее так, будто пытался понять, серьезно ли она говорит.

— Сейчас?

— Да.

— Ночью?

— Да.

— Ты ненормальная.

— Вставай.

Он попытался приподняться и почти сразу опустился обратно.

Сания поняла, что сам он не дойдет даже до двери.

Она помогла ему сесть, перекинула его руку через свои плечи и попыталась поднять. Али оказался тяжелым.

Не потому, что весил много. Просто Саня сама была слишком маленькой.

— Помоги ногами.

— Я помогаю.

— Плохо помогаешь.

— Я болею.

— Я заметила.

Они добрались до двери.

Потом до лестницы.

Там пришлось остановиться.

Саня посмотрела вниз и впервые подумала, что могла придумать плохой план.

— Что? — спросил Али.

— Ничего.

Она посадила его на ступеньку.

Потом спустилась на одну ниже и помогла ему переместиться.

Так они двигались медленно, ступень за ступенью.

На середине лестницы Али прошептал:

— Ты меня украла.

Саня тяжело дышала.

— Да.

— А если поймают?

— Не поймают.

— Ты всегда говоришь так, будто знаешь.

— Помолчи.

Он тихо усмехнулся.

— Почему?

— Дышать трудно.

— Мне и без разговора трудно.

Саня ничего не ответила.

На улице она уложила Али на тележку, под голову положила свернутую одежду и накрыла одеялом.

Он дрожал.

— Холодно?

— Немного.

Саня поправила одеяло.

— Потерпи.

— Куда мы едем?

— В больницу.

— Я понял. Где она?

— Там.

Саня показала вперед.

Али посмотрел.

— Ты точно знаешь?

— Примерно.

— Отлично.

Она взялась за ручку.

Тележка почти не сдвинулась.

Саня потянула сильнее.

Колеса застряли в снегу.

Она уперлась ногами, наклонилась всем телом и наконец сдвинула ее с места.

За воротами стало легче.

На дороге снег был утоптан.

Город ночью казался совсем другим. Дома стояли темными, только в некоторых окнах горел свет. Улицы были почти пустыми. Где-то далеко лаяла собака. Изредка встречались люди, но никто не обращал внимания на девочку, которая тащила тележку.

Сания шла быстро.

Через несколько минут руки начали болеть.

Потом заболели плечи.

Она старалась не останавливаться.

Иногда оборачивалась.

— Али?

— Что?

— Ничего.

Еще через несколько минут:

— Али?

— Я здесь.

Сания продолжала идти.

Она сама не заметила, как начала спрашивать постоянно.

Пока Али отвечал, все было нормально.

На перекрестке пришлось остановиться.

Сания смотрела в обе стороны и пыталась вспомнить дорогу. Они проходили здесь днем. Был длинный дом. Потом деревья. Потом больница.

Кажется, налево.

Она повернула.

Тележка снова закрипела.

— Сания.

— Что?

— Я устал.

— Лежи.

— Я и лежу.

— Тогда отдыхай.

— А ты?

— Я не устала.

Это была неправда.

Сания уже почти не чувствовала пальцев. Ладони болели, ноги становились тяжелыми.

Но Али ничего не сказал.

Через некоторое время он спросил:

— Марлена папа тоже нес?

Сания оглянулась.

— Да.

— Долго?

— Почти всю дорогу.

— Он сильный был?

— Очень.

Али помолчал.

— Ты тоже.

Сания нахмурилась.

— Я не сильная.
— А кто меня тогда везет?
— Тележка.
— А тележку?
Она не ответила.
Али улыбнулся.
Потом закрыл глаза.
Сания шла дальше.
— Не спи.
— Я не сплю.
— Точно?
— Точно.
Через несколько минут она снова спросила:
— Али?
— Здесь.
Еще немного.
— Али?
— Здесь.
Голос становился все тише.
Сания ускорила шаг.
Где-то впереди уже должна была быть больница.
Нужно было только дойти.
Так же отец когда-то говорил про Алма-Ату.
Нужно только дойти.
Сания потянула тележку сильнее.
— Али?
Он не ответил.
Она подождала.
— Али.
Тишина.
Сания остановилась.
Сначала решила, что он уснул.
Подошла к тележке.
— Али.
Мальчик лежал с закрытыми глазами.
Она потрясла его за плечо.
— Проснись.
Ничего.
Сания нахмурилась.
— Не сейчас.
Она потрясла сильнее.
Голова Али слегка качнулась.
Сания сразу почувствовала холод.
Не от воздуха.
Другой.
Она уже знала его.
Такой же был возле отца.
Такой же возле матери.
— Али.

Она приложила ладонь к его груди.
Через одежду ничего не почувствовала.
Тогда наклонилась к лицу.
Долго ждала дыхания.
Его не было.
— Нет.
Сания сказала это тихо.
Потом громче.
— Нет.
Она сняла одеяло и снова потрясла его.
— Проснись.
Али не двигался.
— Мы почти приехали.
Сания не знала, правда ли это.
Но продолжала говорить.
— Еще немного.
Ничего.
— Ты слышишь?
Она схватила его за плечи.
— Али.
В тот момент Сания уже понимала.
После отца она долго не понимала.
После матери поняла сразу.
Теперь тоже.
Но знание ничего не меняло.
— Я сказала, что заберу тебя.
Голос сорвался.
Сания опустилась рядом с тележкой.
— Я обещала.
Слезы появились сразу.
Она вытерла их рукавом, но они продолжали течь.
— Я же обещала.
Сания прижалась лбом к его груди.
Впервые после смерти матери она плакала так, что не могла остановиться.
Не тихо.
Не прячась.
Она плакала, задыхаясь, хватая воздух ртом, прижимаясь к Али и снова зовя его по имени.
Потом начала кричать.
Просто потому, что больше ничего не могла сделать.
Крик ушел в пустую улицу.
Никто не ответил.
Когда-то так же было в степи.
Сания не знала, сколько времени прошло.
В какой-то момент она подняла голову и увидела впереди большое здание.
Больница.
До нее оставалось совсем немного.
Сания смотрела долго.
Если бы она шла быстрее.

Если бы вышла раньше.
Если бы настояла днем.
Если бы взрослые сразу отвезли.
Она не знала, изменило бы это что-нибудь.
Но от этих мыслей становилось только хуже.
Сания снова накрыла Али одеялом.
Поправила его возле лица.
Потом встала.
Ноги дрожали.
Она взялась за ручку тележки.
Несколько секунд стояла.
Потом повернула обратно.
Дорога домой оказалась длиннее.
Теперь Сания больше не спрашивала:
— Али?
Она знала, что ответа не будет.
Несколько раз все равно оборачивалась.
Один раз ей показалось, что одеяло шевельнулось.
Она остановилась.
Подошла.
Ничего.
После этого старалась больше не смотреть.
К рассвету город начал просыпаться.
В окнах появлялся свет. Где-то открывались двери. На улице стало больше людей.
Некоторые смотрели на Санию.
На тележку.
На маленькое тело под одеялом.
Но никто не остановил.
Она шла дальше.
Когда впереди появились ворота детского дома, воспитательница уже стояла во дворе.
Увидев Санию, она сначала замерла.
Потом увидела тележку и побежала навстречу.
— Сания!
Девочка остановилась.
Воспитательница подошла, откинула край одеяла и сразу закрыла обратно.
— Господи...
Сания отпустила ручку.
Руки дрожали так сильно, что пальцы не слушались.
— Где вы были?
Сания посмотрела на Али.
Еще вчера он сидел рядом.
Еще несколько дней назад спрашивал, заберет ли она его после детского дома.
Сания обещала.
Теперь снова не смогла удержать человека, которого решила не отпускать.
Она подняла глаза.
— Я везла его в больницу.
Воспитательница молчала.
Сания посмотрела на тележку.
— Мы почти доехали.

И снова заплакала.

Глава 9. Полмиллиметра

К восемнадцати годам Саня научилась точить карандаш так, что одного грифеля могло хватить почти на целое занятие.

Нельзя было давить ножом. Нужно было медленно снимать древесину тонкими полосками, поворачивая карандаш между пальцами, пока серый стержень не становился длинным и ровным. Если торопиться, графит ломался у самого основания, и приходилось начинать заново.

Нюра этого терпеть не могла.

— Ты его когда-нибудь доточишь или состаришься вместе с ним?

Саня не подняла головы.

— Уже.

Она провела подушечкой пальца по острию, проверяя, нет ли скола, и положила карандаш рядом с линейкой.

Нюра сидела напротив на своей железной кровати и одной рукой пыталась застегнуть блузку, другой собирая волосы. Свет из открытого окна падал ей прямо на лицо, и она шурилась, ворча на солнце, которое с самого утра било в комнату.

В общежитии проснулись не все. На соседней кровати под одеялом еще лежала Зоя, хотя до начала занятий оставалось меньше получаса. Из коридора доносился металлический стук рукоятки, хлопали двери, кто-то искал потерянный чулок, кто-то спорил из-за очереди к зеркалу.

Саня собрала волосы.

За последние годы они стали густыми и тяжелыми, почти черными. Обычно она заплетала их в одну косу и укладывала низко на затылке, потому что стоило наклониться над чертежной доской, как отдельные пряди начинали падать на бумагу. Детская округлость давно ушла с лица. Скулы стали заметнее, черты тоньше, темные глаза казались особенно большими под прямыми густыми бровями. Когда Саня сосредотачивалась, лицо становилось почти неподвижным, и Нюра иногда жаловалась, что невозможно понять, сердится она или просто думает.

Саня закрыла деревянный пенал и достала из чемодана картонную папку, перевязанную бечевой.

Внутри лежали ответы.

Одни были написаны от руки, другие отпечатаны на машинке. На некоторых стояли печати районных отделов народного образования, на других названия детских домов и приемников.

Сведений нет.

В списках не значится.

Данные отсутствуют.

Запрос направлен далее.

О результатах будет сообщено дополнительно.

Под ними лежал старый обрывок газеты, потемневший по краям и почти протершийся на сгибах. На нем детским почерком был записан адрес детского дома номер четыре.

Саня давно знала его наизусть.

Все равно хранила.

За прошедшие годы поиск изменился. Когда-то она каждое утро подходила к заведующей и задавала один и тот же вопрос. Теперь вместо нее ходили письма. Саня находила новый адрес, составляла запрос, ждала, получала ответ и добавляла бумагу к остальным.

Иногда ей отвечали через несколько недель.

Иногда через несколько месяцев.

Иногда не отвечали вовсе.

Тогда она писала еще раз.

Сания положила сверху последнее письмо и затянула бечевку.

— Ты опять с этой папкой?

Нюра стояла в дверях.

Сания подняла голову.

— Уже закончила.

— Если мы опоздаем, Иван Кузьмич скажет, что чертежницы должны уметь рассчитывать не только размеры, но и время.

— Мы не опоздаем.

— Ты каждый раз так говоришь.

Сания взяла портфель.

— И каждый раз успеваем.

До учебного корпуса они шли пешком.

Летнее утро уже нагревалось. По краям улиц тянулись арыки, над ними склонялись деревья, от воды поднималась прохлада. Дальше снова начинались пыль и нагретая земля. Мимо проехала грузовая полуторка, оставив за собой серое облако, и Нюра отвернулась, прикрывая лицо ладонью.

На перекрестке звякнул трамвай.

Люди расступились, пропуская вагон, а потом снова заполнили улицу. Возле газетного киоска несколько мужчин читали свежие заголовки, не отходя от прилавка. Над входом в магазин висел громкоговоритель. Диктор говорил о войне в Европе, называл страны и города, которые Сания прежде встречала только на карте.

На стенах попадались плакаты. Молодые мужчины в гимнастерках, девушки с санитарными сумками, парашютисты, летчики. На одном девушка держала противогаз, на другом юноша целился из винтовки.

Нюра проследила за взглядом Сании.

— Скоро и нас заставят.

— Что?

— Стрелять, прыгать, ползать. Не видишь?

— С чего ты взяла?

— Вчера комсорг говорил про Осоавиахим.

Сания вспомнила объявление на доске возле мастерской.

Название она видела и раньше, но никогда особенно не задумывалась над ним.

В чертежной мастерской пахло бумагой, древесиной, графитом и тушью. Высокие окна были открыты настежь, но воздух почти не двигался. Вдоль стен стояли наклонные чертежные доски, на шкафах лежали рулоны бумаги, шаблоны, линейки и угольники.

Сания любила приходить сюда раньше преподавателя.

Пустой лист был понятен.

Сегодня они продолжали технический чертеж детали, начатый накануне.

Сания закрепила бумагу, положила рядом угольник и линейку и проверила карандаш.

Сначала осевые линии.

Потом контур.

Потом размеры.

У каждой линии было назначение. Ошибка в начале переходила дальше, пока на производстве не выяснялось, что изготовленная по чертежу деталь не входит туда, куда должна.

Сания провела линию.

Остановилась.

Посмотрела еще раз.

Стерла.
— Что? — спросила Нюра.
— Ушла.
— Куда?
— Примерно на полмиллиметра.
Нюра перегнулась к ней.
— Ты серьезно?
— Да.
— Оставь. Кто увидит?
Сзади раздался голос Ивана Кузьмича:
— Тот, кто будет делать деталь.
Нюра моментально выпрямилась.
Преподаватель подошел к ее доске, поправил очки и приложил линейку.
— Вот здесь сколько должно быть?
Нюра назвала размер.
— А сколько получилось?
Она молчала.
— Почти миллиметр лишний. На листе кажется пустяком. На производстве из-за такого пустяка деталь отправляется в брак. Запомните обе: техника слова «примерно» не понимает.
— Исправлю.
— Исправляйте.
Он перешел к Сании.
Несколько секунд молча рассматривал ее работу.
— Третью проекцию переделывали?
— Да.
— Почему?
— Вчера неправильно взяла угол.
Иван Кузьмич посмотрел еще раз.
— Я не заметил.
— Я заметила.
Он хмыкнул.
— Значит, придется требовать от вас больше.
Он ушел дальше.
Нюра дождалась, пока преподаватель отойдет.
— Зачем сказала?
— Что?
— Что ошиблась. Он же не увидел.
Сания снова провела линию.
— Но ошибка была.
После занятий группу задержали в аудитории.
На кафедру вышел комсорг с несколькими листами в руках.
— В четверг начинаются занятия ОСОАВИАХИМа. Явка всей группы.
Кто-то с задних рядов спросил:
— А что там будет?
— Оборонная подготовка. Стрелковое дело, противогазы, санитарная подготовка.
Нюра толкнула Санию локтем.
— Я же говорила.
Комсорг поднял один из листов.

— ОСОАВИАХИМ, Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, проводит у нас курс подготовки. Через такие кружки молодежь учат тому, что понадобится в случае войны. Так что относитесь серьезно.

Несколько девушек недовольно зашептались.

Расписание висело тут же, у входа.

Четверг.

После черчения.

До самого четверга Сания о нем почти не вспоминала.

Первое занятие началось с противогаза.

Учащихся собрали во дворе вместе с другими группами. На длинных столах лежали резиновые маски, фильтрующие коробки и сумки. В первые минуты почти все смеялись. Нюра надела маску и повернулась к Сании круглыми стеклянными глазами.

— Ну?

Голос из-под резины прозвучал глухо.

Сания рассмеялась.

— Ужасно.

Инструктор сразу приказал снять противогазы и повторить все заново.

К концу занятия уже никто не смеялся.

Следом учили накладывать повязки, переносить условно раненого, объясняли сигналы воздушной тревоги. Сания обнаружила, что далеко не все дается ей легко. Повязку Нюре она дважды затянула слишком туго, за что получила замечание, а во время строевого упражнения постоянно начинала шаг не с той ноги.

Нюра была в восторге.

— Наконец-то я что-то делаю лучше тебя.

— Наслаждайся.

— Буду.

На следующей неделе группе объявили, что будет стрелковая подготовка.

Вот тогда Сания впервые заинтересовалась.

Не стрельбой самой по себе.

Оружием.

В тире она прежде не бывала.

Помещение оказалось прохладным даже летом. Воздух пах сырой штукатуркой, деревом, металлом и резким пороховым дымом. Вдоль стены стояли скамьи. За деревянным барьером тянулись стрелковые места, а далеко впереди белели бумажные мишени с черными кругами.

Возле стола с винтовками стоял мужчина лет сорока пяти.

Среднего роста, широкоплечий, с коротко стриженными темными волосами, в которых возле висков уже появлялась седина. Когда девушки вошли, он ждал, пока разговоры стихнут.

Они не стихали.

Мужчина посмотрел на группу.

Этого хватило.

— Виктор Андреевич, — представился он. — Инструктор по стрелковой подготовке.

Он взял винтовку со стола.

— Первое правило. Пока оружие у вас в руках, вы не делаете ничего без команды. Не направляете ствол на человека, даже если уверены, что винтовка разряжена. Не трогаете спуск до команды. И не пытаетесь показать соседке, как красиво умеете держать оружие.

Несколько девушек засмеялись.

Виктор Андреевич подождал.

Они перестали.

Он показал винтовку, открыл затвор, объяснил, как проверить патронник.

Сания смотрела внимательнее, чем собиралась.

Ей хотелось понять, что происходит внутри: как движется патрон, как работает затвор, что именно меняется после нажатия на спуск.

— До устройства доберемся позже, — сказал Виктор Андреевич.

Сания подняла глаза.

Он смотрел прямо на нее.

— Я ничего не спрашивала.

— Но собирались.

По группе прошел смешок.

Сания промолчала.

Сначала тренировались без патронов. Виктор Андреевич поправлял положение корпуса, локтей, приклада, показывал, как совмещать мушку с прорезью прицела.

Потом началась стрельба.

Нюра получила семь и вернулась на скамью сияющая.

— Видела?

— Видела.

— Семь.

— Я слышала.

— Тебя вообще можно чем-нибудь впечатлить?

Сания не успела ответить.

— Нургалиева.

Она подошла к стрелковому месту.

Виктор Андреевич протянул ей винтовку.

Первым удивил вес. Издалека оружие казалось легче. Деревянное ложе было гладким от чужих ладоней, металл прохладным.

Сания легла на брезентовый мат.

— Левый локоть ближе к корпусу.

Она передвинула.

— Не настолько.

Вернула немного назад.

— Приклад плотнее к плечу.

Исправила.

Впереди белела мишень.

Черный круг оказался меньше, чем казался со скамьи.

Сания совместила мушку с прорезью.

Попыталась удержать.

Мушка двигалась.

Она напрягла руку сильнее.

Движение стало еще заметнее.

— Не пытайся остановить ее силой, — сказал Виктор Андреевич. — Дыши.

Сания вдохнула.

Выдохнула.

Нажала на спуск.

Выстрел ударил по ушам.

Приклад толкнул плечо, и на долю секунды Сания потеряла мишень.

Виктор Андреевич посмотрел в трубу.

— Шесть. Выше и левее.

— Почему?

— Спуск дернула. Перед выстрелом напрягла плечо. Еще и начала ловить мушку.

— Как не ловить?

— Она никогда не будет стоять совершенно неподвижно. Твоя задача не победить собственное тело. Твоя задача знать момент.

Он сделал жест рукой.

— Еще.

Сания устроилась снова.

Теперь она следила не за центром мишени, а за собой.

Плечо.

Палец.

Дыхание.

Мушка все равно немного двигалась.

Она ждала.

Вдохнула.

Медленно выдохнула.

Выстрел.

Виктор Андреевич посмотрел.

— Восемь.

Сания передернула затвор.

Гильза вылетела и звякнула о пол.

Третий выстрел тоже оказался восьмеркой, но уже с другой стороны центра.

Сания нахмурилась.

— Что теперь?

— Сама скажи.

Она немного подумала.

— Долго держала?

Виктор Андреевич чуть поднял брови.

— Долго.

Четвертый раз Сания сначала устроилась удобнее, расслабила пальцы и только потом подняла винтовку.

Выстрел.

— Девять.

За спиной стало тише.

Сания почти этого не заметила.

Оставался последний патрон.

Теперь черный круг уже не казался просто кругом. Сания видела, куда легли предыдущие попадания, и помнила, что меняла после каждого замечания.

Пятый выстрел.

Виктор Андреевич посмотрел в трубу дольше предыдущего.

— Девять. Возле десятки.

Сания опустила винтовку.

Плечо ныло.

Она проверила оружие так, как показывал инструктор, и положила его на место.

— Нургалиева.

— Да?

— Раньше стреляла?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

Он посмотрел на нее, будто ожидал другого ответа.

— Где выросла?
— В детском доме.
Виктор Андреевич помолчал.
— Понятно.
Он не стал расспрашивать дальше.
Сания уже собиралась отойти.
— Учишься на кого?
— На чертежницу.
Виктор Андреевич кивнул в сторону мишени.
— Тогда понятно, откуда глазомер.
— Из-за черчения?
— Не только. Половина людей с хорошим глазом все равно дергает спуск, как будто винтовка сейчас убежит. Ты после первого выстрела не начала торопиться. Стала исправлять.
Сания посмотрела на мишень.
Первое отверстие было дальше остальных. Последнее почти в центре.
— На чертеже тоже так.
— Как?
— Если линия неправильная, бессмысленно злиться на бумагу.
Виктор Андреевич усмехнулся.
— Это точно.
Он сделал пометку в ведомости.
— После следующего занятия останешься.
— Почему?
— Проверю кое-что.
— Что?
— Сначала проверю, потом скажу.
Сания кивнула.
— Хорошо.
Она отошла к Нюре.
Та смотрела на нее так, будто Сания только что сделала что-то гораздо более значительное, чем пять раз выстрелила по бумаге.
— У тебя девять.
— Да.
— Два раза.
— Да.
— Первый раз стреляешь.
— Нюра, я тоже здесь была.
— И ничего?
Сания не сразу ответила.
— Что ничего?
— Тебе не понравилось?
Сания уже хотела сказать, что не знает.
Но это было неправдой.
Понравилось.
Только не выстрел, не громкий звук и не сама винтовка.
Ей понравилось то, что произошло между первым и последним попаданием.
В первом была ошибка.
Виктор Андреевич назвал причину.
Сания изменила движение.

Результат изменился вместе с ним.

— Понравилось, — сказала она.

Нюра улыбнулась.

— Наконец-то.

Они вышли из тира вместе.

На улице было жарко и слишком светло после полумрака. По дороге звякнул трамвай, возле арыка играли дети, из открытого окна на первом этаже кто-то несколько раз подряд повторял одну и ту же мелодию на пианино и каждый раз сбивался в одном месте.

Сания прошла дальше.

Музыка началась снова.

На этот раз человек за окном не ошибся.

Сания невольно замедлила шаг.

В общежитии вечером она раскрыла чертеж и взялась за карандаш. Работа шла как обычно, но через некоторое время Сания заметила, что уже несколько секунд смотрит на одну точку листа и ничего не рисует.

Перед глазами снова была мишень.

Первое попадание выше и левее.

Последнее возле центра.

После следующего занятия Виктор Андреевич велел ей остаться.

Сания снова поставила карандаш на бумагу.

Через несколько минут поймала себя на том, что ждет этого занятия.

Глава 10. Еще один выстрел

К лету 1941 года Виктор Андреевич почти перестал подходить к Сании во время стрельбы.

За первый год он успел сотни раз переставить ей локоть, отучить слишком сильно вжимать приклад в плечо и заставить смотреть не только на мишень, но и на то, что находилось между ней и мишенью: на траву, в которой был виден ветер, на дрожание нагретого воздуха, на свет, падавший под другим углом утром и после полудня, на собственное дыхание, которое могло испортить выстрел ничуть не хуже неверно взятой поправки. В первые месяцы Сания раздражалась, когда после хорошего попадания он спрашивал, почему пуля пришла именно туда. Если в картоне была десятка, ей казалось, что ответ уже перед ними. Виктор Андреевич говорил, что случайная десятка отличается от случайного промаха только тем, что приятнее выглядит на бумаге. Потом спрашивать перестал. Сания сама называла ошибку раньше, чем мишень приносили обратно.

На стрельбище теперь было больше людей, чем год назад. Среди них давно уже не одна Сания носила косу под головным убором и ложилась за винтовку рядом с мужчинами. Зоя Мельникова стреляла быстрее нее и после каждого выигранного упражнения напоминала об этом с таким удовольствием, будто победа становилась недействительной, если не сообщить о ней всем присутствующим. Лида Чернова, наоборот, могла ждать выстрела столько, что остальные успевали закончить серию, пока она все еще лежала неподвижно, следя за ветром. Были девушки из заводских секций, студентки, работницы, несколько мужчин постарше, уже служивших в армии. К весне никто особенно не обращал внимания на то, кто лежит на соседней позиции. Мишень все равно не знала, мужчина в нее стреляет или женщина.

Сания чаще остальных оказывалась первой по общему результату, хотя не всегда стреляла точнее всех и почти никогда не была самой быстрой. Ее преимущество Виктор Андреевич определил еще зимой: она редко повторяла одну и ту же ошибку. Первый выстрел мог уйти вправо, второй уже возвращался. Если причина была в дыхании, она меняла дыхание; если в положении кисти, следующий раз кисть лежала иначе. Именно эта способность когда-то привлекла ее к стрельбе сильнее самого попадания. Между первым выстрелом и последним существовало что-то понятное: причина, поправка, результат.

В то воскресенье Виктор Андреевич поставил четыре мишени на разных расстояниях. Две находились почти прямо перед стрелками, третья была смещена вправо, четвертая стояла дальше остальных и сливалась с темной полосой земли возле вала. Ветер шел поперек стрельбища, временами стихая так резко, будто кто-то закрывал невидимую дверь.

— Четыре патрона. Каждую цель один раз. После команды прекращаете.

Зоя, уже уstraивавшаяся рядом с Санией, подняла голову.

— На время?

— А ты надеялась провести здесь весь день?

— Нет. Я надеялась обогнать Нургалиеву.

— Ты вчера обогнала, — сказала Сания.

— По времени.

— Я знаю.

Зоя посмотрела на нее с подозрением.

— Тебя это вообще не беспокоит?

— Нет.

— Невыносимый человек.

Сания уложила приклад в плечо и больше не отвечала. Ветер у линии огня почти не чувствовался, зато дальше трава ложилась вправо, а возле третьей мишени двигалась слабее.

Она проследила участок до самого вала, дождалась команды и только тогда прижалась щекой к прикладу.

Первый выстрел лег хорошо.

На втором она поняла ошибку еще до того, как закончила движение затвором. Задержала дыхание слишком рано и последние секунды держала винтовку уже усилием. Она не стала проверять себя, просто запомнила.

Третья цель.

Исправила.

Четвертая стояла дальше всех. Ветер ненадолго стих. Сания подождала, пока трава снова качнется, выпустила часть воздуха и нажала на спуск.

— Время.

По линии начали опускать винтовки.

Сания осталась лежать.

Вторая мишень не давала покоя. Пробоину с такого расстояния она не видела, но почти точно знала, где та должна быть: выше центра, возможно, восьмерка. Если сделать еще один выстрел сейчас, можно было проверить поправку, пока тело помнило прежнее положение.

Рука потянулась к патронам следующей серии.

— Нургалиева.

Сания остановилась.

Виктор Андреевич стоял у нее за спиной.

— Что?

— Я сказал прекратить.

— Я прекратила.

Он посмотрел на патрон возле ее пальцев.

Сания тоже посмотрела.

— Я не стреляла.

— Потому что я тебя остановил.

— Хотела проверить вторую.

— Проверишь потом.

— Потом положение будет другим.

— Именно.

Она села и посмотрела на него, но Виктор Андреевич уже отвернулся.

— К мишеням.

Зоя закончила упражнение быстрее всех и успела сообщить об этом дважды, пока они дошли до валов. Лида заметила, что скорость не спасла ее от двух восьмерок, после чего они начали спорить, какая ошибка хуже: потерянные секунды или потерянные очки.

Сания сняла вторую мишень.

Восемь.

Пробоина лежала чуть выше центра, почти там, где она ожидала. Остальные три попадания были девять, десять и десять.

Виктор Андреевич остановился рядом.

— Поняла?

— Рано задержала дыхание.

— Не это.

Она повернула голову.

— А что?

— Зачем полезла за патроном?

— Исправить.

— Вот.

Сания нахмурилась.

— Что именно?

Он дождался, пока остальные отойдут.

— Ты опять не смогла закончить.

— Упражнение я закончила.

— Команду услышала, четыре выстрела сделала и тут же решила, что тебе нужен пятый.

— Потому что знала, что исправить.

— Я знаю.

— Тогда в чем проблема?

Виктор Андреевич взял ее мишень и посмотрел на пробоину в восьмерке.

— В марте я закончил занятие. Все ушли. Вернулся через сорок минут, ты все еще лежала здесь.

— У меня не получалась поправка.

— В итоге получилась?

— Да.

— В апреле ты стерла ладонь на стрельбе с колена и продолжала, пока я не забрал винтовку.

Сания посмотрела на него.

— Это плохо?

— Здесь чаще полезно.

— Тогда зачем вы меня ругаете?

— Я не ругаю.

Он вернул ей мишень.

— Предупреждаю.

Сания ждала.

— Ты не умеешь вовремя останавливаться.

Она посмотрела на восьмерку.

— Если еще можно исправить, зачем останавливаться?

На этот раз Виктор Андреевич усмехнулся совсем коротко.

— Вот поэтому и предупреждаю.

Он указал на дальний вал.

— Представь, что это уже не бумага. Тебе дают одного наблюдателя. Нашла, сняла. Получила команду уходить.

— Ухожу.

— Нет. Справа появляется второй.

Сания поняла, куда он ведет.

— Если могу попасть, стреляю.

— Конечно.

— А надо?

— Уходить.

— Оставить его?

— Да.

— Он может поднять тревогу.

— Может.

— Может потом кого-нибудь убить.

— Может.

Сания помолчала.

— Тогда зачем уходить?

Виктор Андреевич несколько секунд смотрел на нее, словно именно этого ответа и ждал.

— После второго появится третий. Потом заметишь пулеметчика. Потом своего раненого. Потом тебе покажется, что есть еще минута. А после нее еще одна. Где ты остановишься?

Она не ответила.

Вопрос казался ей неправильным. Если человек еще мог что-нибудь сделать, само существование такой возможности уже было причиной продолжать.

— Иногда нельзя бросать, — сказала она.

— Иногда нельзя.

— Тогда как понять?

— Вот этому тебе еще придется научиться.

Он забрал у нее мишень, сложил к остальным.

— На стрельбище лишняя попытка дает еще одну дырку в картоне. В другом месте она может дать еще одну могилу.

— Мою?

Виктор Андреевич поднял на нее глаза.

— Не обязательно.

Потом позвал остальных, и занятие продолжилось.

Сания к разговору не возвращалась.

Виктор Андреевич тоже.

Но к вечеру она уже знала, что не забыла ни одного слова.

За год Нюра научилась различать несколько видов ее молчания.

Одно означало, что Сания занята и действительно не слышит половину сказанного. Другое, что злится и слышит как раз все. Третье Нюра называла самым тяжелым: тогда Сания думала о чем-то часами, а на любой вопрос отвечала, что ничего не случилось.

Вечером она определила третий вид еще на лестнице общежития.

— Виктор Андреевич опять сказал что-нибудь страшно мудрое?

— Нет.

— Значит, сказал.

Сания открыла дверь комнаты.

— Почему спрашиваешь, если уже решила?

— Из уважения к твоему праву соврать.

Нюра сняла туфли и легла поперек кровати. На тумбочке рядом с подушкой лежал конверт. Сания узнала почерк, хотя видела его всего несколько раз.

— От Коли?

Нюра тут же села.

— Сегодня пришло.

Она достала письмо.

— Пишет, что все хорошо. Значит, ничего хорошего. Маме написал то же самое, теперь она делает вид, что успокоилась.

— Где он сейчас?

— Под Белостоком был, когда писал. Или где-то рядом. Они же половину нормально не пишут.

Сания знала Нюриного брата только по рассказам и одной фотографии. Высокий молодой мужчина стоял возле деревянного забора в шинели и смотрел в камеру с такой серьезностью, что Нюра потом минут пять объясняла, каким идиотом он был в обычной жизни. Коля считал свой нос слишком большим и потому якобы специально фотографировался немного сбоку. В двенадцать лет пытался переплыть реку, не умея толком плавать, разбил отцовские часы, однажды принес домой чужую собаку и заявил, что собака сама выбрала их семью.

Сания помнила все это, хотя никогда не собиралась запоминать.

За последний год таких бесполезных знаний стало неожиданно много. Она знала, кто из девушек в общежитии получает посылки с сушеными яблоками и всегда делится, кто боится мышей, кому Зина должна три рубля, почему одна из работниц мастерской перестала разговаривать с заведующей. Ничего из этого не помогало искать Марлена, работать или стрелять. И все равно оставалось.

— Коля пишет, чтобы я не выходила замуж до его возвращения, — сказала Нюра.

— Почему?

— Хочет лично проверить жениха.

— И что сделает, если не понравится?

— Наверное, убьет.

— Тогда лучше не выходи.

Нюра посмотрела на нее, потом рассмеялась.

— Ты испортилась.

— Почему?

— Год назад я хотя бы понимала, когда ты не шутишь.

Сания открыла папку с чертежами.

— Я не шутила.

— Вот именно.

Нюра снова легла, подняв письмо над собой.

— В воскресенье пойдем в кино.

— У меня стрельба.

— После.

Сания уже собиралась сказать, что надо закончить чертеж. Посмотрела на Нюру.

— Хорошо.

Письмо медленно опустилось.

— Повтори.

— Нет.

— Мне кажется, у меня жар.

— Тогда тем более не пойдем.

— Поздно. Я запомнила первое согласие.

Сания отвернулась к столу, но улыбнулась.

В воскресенье в кино они не пошли.

Сания проснулась от тишины.

Нюра сидела на своей кровати босая, положив ладони на колени. Дверь была открыта.

Из коридора доносились быстрые шаги.

— Что?

— Радио.

Они вышли вместе.

Возле репродуктора уже стояли люди. Женщина из соседней комнаты прижимала к груди незастегнутую кофту, кто-то пришел в ночной рубашке, мужчина у стены держал ладонь у подбородка. Никто не разговаривал.

Сначала Сания слышала отдельные слова.

Граница.

Самолеты.

Города.

Германия.

Потом голос диктора стал отчетливее.

Нападение без объявления войны.

Нюра рядом резко вдохнула.

— Коля.

Только имя.

Этого хватило.

Письмо на тумбочке. Белосток. Слишком большой нос на фотографии. Собака, которая сама выбрала семью.

Сания взяла Нюру за руку.

Сделала это первой и заметила только после того, как Нюра сжала ее пальцы.

Впереди заплакала женщина. Кто-то спросил, где находится Брест. Мужчина возле лестницы повторил, что сегодня же пойдет в военкомат. Другой сказал, что война долго не продлится, немцев остановят у границы.

Когда передача закончилась, все заговорили одновременно.

Нюра продолжала стоять.

— Он напишет, — сказала Сания.

— Откуда знаешь?

Она не знала.

Когда-то она говорила Марлену, что отец догонит их, потому что пятилетний ребенок не мог идти дальше без этой уверенности. Теперь перед ней стояла взрослая девушка, прекрасно понимавшая, что Сания ничего не может знать.

И все равно Сания сказала:

— Напишет.

Нюра кивнула.

К полудню Алма-Ата выглядела почти так же, как накануне, но прежним город уже не был. По улицам ходили трамваи, дети сидели возле арыков, в магазинах стояли очереди, где люди по привычке продолжали спорить из-за мест. Только у каждого репродуктора теперь собиралась толпа, газеты переходили из рук в руки, а возле военкомата очередь вытянулась вдоль стены.

В мастерской никто толком не работал. У Зины муж служил на западной границе, у Ивана Семеновича было двое сыновей призывного возраста, кто-то пытался отправить телеграмму родственникам, кто-то уже гадал, когда придет повестка. Люди говорили почти одновременно, и каждое имя вдруг приобретало значение, которого не имело еще вчера.

Сания сидела перед чертежом, держа карандаш над бумагой.

Почти у каждого вокруг после слова «война» сразу появлялся человек.

Муж.

Брат.

Сын.

Отец.

Тот, за кого теперь надо было бояться.

Она перебрала своих.

Отец умер девять лет назад у дороги.

Мать лежала на кладбище в Алма-Ате.

Али умер в нескольких улицах от больницы.

После имени Марлена по-прежнему не было ничего.

Ни места.

Ни могилы.

Ни подтверждения, что он вырос.

За девять лет Сания научилась жить сразу с двумя возможностями: что ее брат где-то существует и что человека, которого она ищет, давно нет. Ни одну доказать она не могла.

Она посмотрела на людей вокруг.

Война вошла в уже существовавшие жизни, где были семьи, дома, письма, дети, люди, обещавшие ждать.

У Сании была кровать в общежитии. Работа. Папка с ответами о Марлене. Нюра. Виктор Андреевич. Стрельбище.

Последнее почему-то казалось самым ясным.

Она никогда прежде не говорила себе, что любит стрелять. Слово казалось слишком простым, почти неправильным, но другого не было. Ей нравилось долго лежать неподвижно и ждать, пока мир сузится до нескольких линий внутри прицела. Нравилось замечать отклонение, искать причину, менять одно движение и видеть другой результат. В стрельбе ошибка не исчезала в чужих бумагах и не уезжала неизвестно куда между двумя детскими домами. У нее было направление, расстояние и причина.

Ее можно было исправить.

До этого утра все это существовало ради мишеней.

Теперь оказалось, что такое умение кому-то нужно.

Мысль пришла спокойно, почти без чувства. Если началась война и люди все равно будут уходить туда, где могут погибнуть, почему среди них не должна быть она? Люди в мастерской боялись оставить родителей, мужей, жен, детей. Уходили, хотя дома их ждали.

Санию не ждал ребенок.

Не ждали родители.

От нее не зависел ни один человек.

Если погибнет Зина, где-то останется ее муж. Если не вернется Иван Семенович, его будут ждать сыновья. Если погибнет Нюрин Коля, в Алма-Ате мать и сестра будут снова и снова перечитывать последнее письмо.

Если погибнет Сания, Нюра будет плакать.

Виктор Андреевич, возможно, узнает.

Иван Кузьмич найдет другого чертежника.

Потом жизнь продолжится.

В этой мысли было не горе.

Облегчение.

У Виктора Андреевича уже стояла собранная сумка.

Сания заметила ее, едва вошла.

— Вы уезжаете?

— Пока нет.

— Но уедете.

Он сложил несколько листов.

— Куда направят.

— Я тоже пойду.

Рука остановилась.

— Куда?

— В военкомат.

Виктор Андреевич посмотрел на нее, потом на свободный стул.

— Садись.

— Я могу стоять.

— Не сомневаюсь.

Сания села.

Он не спрашивал сразу, и она уже знала, что первой не выдержит именно поэтому.

— Я умею стрелять.

— Я заметил.

— Хорошо умею.

— Это тоже.
— Там это будет полезно.
— Возможно.
Она подождала.
— Что?
— Ничего.
— Вы так смотрите, когда хотите что-то спросить.
— Тогда облегчи мне работу.
Сания отвела глаза к окну.
— Мне нравится стрелять.
Виктор Андреевич чуть кивнул.
— За год впервые сказала.
— Какая разница?
— Никакой.
— Тогда что вам не нравится?
— Пока ничего.
Она помолчала.
— И мне все равно.
Теперь он перестал складывать бумаги.
— Что именно?
— Вернусь я или нет.
Несколько секунд в комнате было слышно только движение людей снаружи.
— Почему?
— Потому что кому будет разница?
— Нюре.
— Она переживет.
— Это не значит, что ей будет все равно.
Сания раздраженно выдохнула.
— У меня нет родителей. Марлена я не нашла. Семьи нет. От меня никто не зависит.
Люди уходят туда, хотя у них дети и родители. Я хотя бы хорошо стреляю.
— Я не запрещаю тебе идти.
— Тогда зачем этот разговор?
Виктор Андреевич посмотрел на нее долго и спокойно.
— Потому что утром ты полезла за пятым патроном.
Сания нахмурилась.
— Это опять?
— Это именно оно.
— При чем здесь война?
— Тебе скажут уходить. Ты увидишь еще одну цель и останешься.
— Если смогу попасть.
— Потом увидишь еще одну.
— Может быть.
— Потом раненого.
Она ничего не сказала.
— Потом тебе покажется, что можно выиграть еще минуту. И поскольку возвращаться тебе, как ты решила, незачем, причина уйти всегда будет слабее причины остаться.
Сания подняла глаза.
— Если от этого кому-нибудь будет польза, почему я должна уходить?
Виктор Андреевич коротко выдохнул через нос.

— Вот этого я и боюсь.

— Вы сами учили не бросать после ошибки.

— На стрельбище.

— Какая разница?

— Здесь я могу отнять у тебя винтовку.

Он наклонился ближе.

— Там рядом будут люди. Напарник. Разведчики. Пехота. Ты останешься, кто-то останется с тобой. Тебя ранят, кто-то полезет вытаскивать. И тогда твое «мне все равно» перестанет касаться только тебя.

— Не надо меня вытаскивать.

— Думаешь, тебя спросят?

Сания замолчала.

Перед глазами почему-то возник Али на тележке.

Его вес в руках.

Еще одна улица.

Еще один поворот.

Больница уже совсем близко.

Потом Марлен, чьи пальцы взрослые отрывали от ее руки один за другим.

— Иногда нельзя уходить, — сказала она.

— Я знаю.

— Значит, я могу оказаться права.

— Можешь.

Она не ожидала согласия.

Виктор Андреевич откинулся назад.

— В этом и проблема. Иногда именно тот лишний шаг спасает человека. Иногда убивает двоих. Тебе придется научиться отличать одно от другого.

— Как?

— Не знаю.

— Очень полезный совет.

— Я не обещал полезный.

Сания почти улыбнулась.

Виктор Андреевич тоже, но тут же снова стал серьезным.

— Просто запомни: тебе всегда будет казаться, что можно сделать еще что-нибудь.

— Потому что обычно можно.

— Да.

Он поднял сумку и поставил ее ближе к двери.

— И еще. Не думай, что человек, который не боится умереть, автоматически храбрее того, кто хочет жить.

— Я так не думаю.

Виктор Андреевич посмотрел на нее.

Сания отвела глаза.

— Думаешь.

Она ничего не ответила.

Ей по-прежнему казалось, что страх был лишним грузом. Если его у нее меньше, чем у других, это должно было быть преимуществом.

В военкомате женщин оказалось больше, чем она ожидала.

Одни просились на медицинскую службу, другие на связь, несколько держали стрелковые удостоверения. Девушка примерно ее возраста перед Санией спорила с мужчиной за столом, показывая книжку Осоавиахима.

— У меня стрелковая подготовка.

— Вижу.

— Тогда зачем спрашиваете про санитарные курсы?

— Я всех спрашиваю.

Она вышла из кабинета сердитая, заметила документы у Сании и кивнула на них.

— Если стрелковое есть, показывай сразу.

— Хорошо.

— Тоже стреляешь?

— Да.

— Хорошо?

Сания подумала.

— Хорошо.

Девушка улыбнулась.

— Тогда, может, еще встретимся.

В очереди были другие. Девушка с завода рассказывала, что занималась в секции два года. Еще одна приехала из области и держала книжку стрелка обеими руками. Кто-то выглядел увереннее Сании, кто-то заметно волновался. Среди них не было ощущения необычности. Они просто пришли с тем, что умели делать.

Когда очередь дошла до Сании, мужчина за столом долго смотрел ее удостоверение и результаты.

— Ваши?

— Мои.

— Неплохие.

— Хорошие.

Он поднял взгляд.

— Скромность отсутствует?

— Она влияет на стрельбу?

Мужчина несколько секунд смотрел на нее, потом усмехнулся.

— На стрельбу нет.

Он поставил отметку.

— Сразу на передовую никто вас не отправит. Сначала подготовка.

— Понимаю.

— Это хорошо.

Сания забрала документы.

У двери сидела та самая девушка со стрелковой книжкой и что-то заполняла. Она подняла голову.

— Взяли?

— На подготовку.

— Меня тоже.

На этот раз обе улыбнулись.

Нюра узнала вечером.

Сания собиралась сказать сразу, но сначала сняла пальто, поставила сумку, убрала документы в тумбочку. Только потом обернулась.

— Я записалась.

Нюра сидела на кровати с письмом Коли.

— Куда?

— На подготовку. Потом, скорее всего, фронт.

Она долго смотрела на Санию.

— Когда ты решила?

— Сегодня.

— И уже сходила.

— Да.

— Конечно.

Нюра аккуратно сложила письмо и положила рядом.

— Почему?

— Я хорошо стреляю.

— Знаю.

— Мне нравится.

— Тоже знаю.

Сания посмотрела на нее.

— Откуда?

— Потому что только после стрельбища ты иногда выглядишь счастливой.

— Я нормально выгляжу.

— Для тебя это и есть счастливая.

Сания села напротив.

— Здесь мои чертежи сделает кто-нибудь другой. Там то, что я умею, хотя бы действительно понадобится.

— Кроме тебя никто не стреляет?

— Стреляет.

— Тогда почему именно ты?

Сания помолчала.

— Потому что мне все равно.

Нюра нахмурилась.

— Что тебе все равно?

— Умру я или нет.

Письмо в ее руках тихо хрустнуло.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что я не хочу это слышать.

Сания опустила взгляд.

— У тебя Коля. У Зины муж. У других родители, дети. Они все равно идут. А у меня никого.

Нюра замерла.

Потом очень спокойно положила письмо на кровать и встала.

— Понятно.

— Что?

— Ничего.

— Ты злишься?

— Нет.

Сания посмотрела на ее лицо.

— Злишься.

— Конечно, злюсь.

— Почему?

Нюра повернулась.

— Потому что я, оказывается, никто.

Сания растерялась сильнее, чем если бы Нюра начала кричать.

— Я не это сказала.

— Почти.

— Ты подруга.

— Спасибо.

— Нюра.

— Что?

Сания не знала, как объяснить то, что до этой минуты казалось очевидным.

Она знала, что Нюра любит слишком сладкий чай, но потом жалуется, что слишком сладко. Знала, как та трет левую ладонь перед дождем, как смеется, когда пытается не смеяться, и как начинает говорить быстрее, когда волнуется. Знала историю ее брата, матери, разбитых часов, чужой собаки. Могла узнать Нюрины шаги в коридоре.

Но слово «семья» внутри Сании означало мать, отца и Марлена.

Что-то, что однажды исчезло и после чего осталось место, не закрывшееся за девять лет.

— Если я погибну, ты будешь жить дальше, — сказала она наконец.

Нюра посмотрела на нее.

— Ты тоже жила дальше после Али.

Сания замерла.

Однажды зимой, после кино, когда они долго не могли уснуть, она рассказала Нюре о нем. Не все. Кладовая. Ключи. Тележка. Дорога до больницы. Утром пожалела и больше к этому не возвращалась.

Теперь имя прозвучало так неожиданно, что на несколько секунд комната стала такой же холодной, как та улица.

Нюра сразу опустила глаза.

— Прости.

— Ничего.

— Я не должна была.

— Ничего.

Она села рядом.

Некоторое время они молчали.

Потом Нюра осторожно взяла Санию за руку.

— Жить дальше не значит никого не потерять.

Сания посмотрела на их сцепленные пальцы.

Возразить хотелось.

Слов не было.

— Я не буду просить тебя остаться, — сказала Нюра.

— Почему?

— Потому что ты все равно не останешься.

— Да.

Нюра коротко засмеялась сквозь слезы.

— За год хоть чему-то научилась.

Она вытерла лицо ладонью.

— Но писать будешь.

— Если смогу.

— Нет.

— Что нет?

— Никаких «если». Хоть два слова. «Жива. Все нормально».

— А если не нормально?

— Тогда просто «жива».

Сания кивнула.

— Хорошо.

— И больше не говори, что тебя никто не ждет.

Сания подняла голову.

Нюра сжала ее руку сильнее.

— Я жду.

Ответа она не потребовала.

Через несколько дней пришло направление.

Иван Кузьмич подписал бумаги и сказал, что ее стол никому не отдаст до осени. Сания спросила, почему именно до осени. Он пожал плечами: война не может длиться вечно.

На стрельбище Виктора Андреевича уже не было. Его вызвали днем раньше. Никаких записок он не оставил. Человек, принявший группу, только сказал, что Виктор Андреевич велел передать Нургалиевой не забывать их последний разговор.

Сания поняла, какой именно.

В последний вечер Нюра достала маленькую жестяную коробку. Внутри лежали игла, намотанные на картон нитки, две булавки, несколько пуговиц и маленькие ножницы.

— Возьми.

— У меня есть иголка.

— Одна.

— Хватает.

— Пока не потеряешь.

Сания взяла коробку.

— Верну.

— Вернешь себя. Коробку можешь оставить.

Сания посмотрела на нее.

— Это разные вещи.

— Я знаю.

На вокзале провожающих было почти столько же, сколько уезжающих.

Женщины передавали свертки через окна, дети путались между ног взрослых, люди повторяли одни и те же советы по несколько раз, словно от количества повторений те могли стать надежнее. Недалеко от Сании мать поправляла воротник взрослому сыну.

Молодая женщина держала мужчину обеими руками за рукав и отпустила только тогда, когда подошла его очередь подниматься в вагон.

Нюра стояла рядом.

— Коля тоже так уезжал, — сказала она.

— Ты провожала?

— Все провожали. Он всю дорогу смеялся. Мама потом сказала, что специально.

Несколько секунд они смотрели на людей.

— Если вдруг где-нибудь его встретишь, скажи, что я велела вернуться.

— Я его не узнаю.

— Нос узнаешь.

Сания повернулась к ней.

Нюра засмеялась, хотя глаза сразу стали мокрыми.

— Теперь точно запомнишь.

Объявили посадку.

Сания подняла сумку.

Нюра обняла ее.

Еще год назад первая секунда любого прикосновения заставляла Санию напрягаться. Теперь руки поднялись сами.

— Пиши.

— Буду.

— Обещаешь?

Сания не любила обещаний.

Когда-то она обещала маленькому мальчику не отпускать его руку.

Некоторые слова после этого стали тяжелее других.

— Обещаю.

Нюра отстранилась.

— И вернись.

Здесь Сания помолчала.

— Постараюсь.

— Ненавижу это слово.

— Другого нет.

— Есть.

Сания знала какое.

Не произнесла.

Поднялась в вагон.

Когда поезд тронулся, Нюра пошла рядом, потом побежала. Несколько секунд они двигались почти с одной скоростью. Потом платформа стала уходить назад. Нюра остановилась, подняла руку, становилась все меньше, пока не смешалась с остальными людьми.

В купе напротив Сании уже сидели две девушки примерно ее возраста. У обеих были такие же направления. Одна представилась Верой, сказала, что работала на швейной фабрике и стрелять научилась у старшего брата. Вторая ехала из области и почти не говорила.

— А ты откуда? — спросила Вера.

— Из Алма-Аты.

— Стрелок?

— Да.

— Хороший?

Сания посмотрела на нее.

— Хороший.

Вера засмеялась.

— Значит, будет с кем соревноваться.

Она продолжила что-то рассказывать.

Сания слушала вполуха.

За окном медленно уходили окраины Алма-Аты. В кармане жестяная коробка Нюры упиралась углом в бедро. Сания поправила ее и положила ладонь поверх ткани.

Ей было восемнадцать лет. Она хорошо стреляла, любила стрелять и ехала туда, где впервые это умение должно было стать по-настоящему нужным.

Ей все еще казалось, что она почти ничего не оставляет после себя.

Глава 11. Наблюдатель

К фронту Сания приехала в конце августа, когда лето еще держалось в пыльных дорогах и сухой траве, но по утрам уже тянуло холодом.

За несколько недель военной подготовки люди, с которыми она покинула Алма-Ату, успели рассыпаться по разным спискам. Одних отправили раньше, других оставили на дополнительный курс, третьих перевели в другие части. Вера, обещавшая соревноваться с Санией до самого Берлина, исчезла за два дня до ее отправки. Еще вечером они вместе чистили винтовки, а утром на койке Веры лежало свернутое одеяло. На тумбочке остался сломанный карандаш, который она постоянно грызла во время занятий. Сания хотела выбросить его, потом почему-то положила на край тумбочки и оставила там.

Она уже знала, что война начинается не с выстрела.

Сначала люди исчезают из расписания.

Последний участок пути они проехали ночью в кузове грузовика, закрытого брезентом. Дорога была разбита, и при каждом сильном толчке люди сталкивались коленями и плечами, молча возвращаясь на место. Кто-то спал сидя. Кто-то курил, пряча огонек в ладони, пока сержант не заставил потушить. Сания держала винтовку между коленями и смотрела в узкую щель между брезентом и бортом.

За ней иногда появлялось небо.

Потом черные деревья.

Потом на горизонте возникало красноватое зарево и исчезало за поворотом.

Первый далекий удар она приняла за гром. Второй пришел через несколько секунд. После третьего парень напротив открыл глаза.

— Уже близко.

Он снова закрыл глаза, словно сообщил время прибытия поезда.

К рассвету машина остановилась у деревни, от которой осталось меньше половины. У одного дома не было крыши, у другого отсутствовала целая стена, и со стороны дороги открывалась комната с железной кроватью, шкафом и висящей над ним фотографией. Возле колодца пожилая женщина набирала воду. Она посмотрела на прибывших один раз и сразу вернулась к ведру.

Сания спрыгнула с кузова.

Первое, что она заметила, был запах.

Не тот, которого ожидала. Не порох.

Мокрая земля, дым, бензин, навоз, древесина, человеческий пот. Где-то рядом варили кашу. Все это смешивалось с другим, металлическим запахом, источник которого она поняла лишь после того, как увидела возле канавы мух. Там лежал человек, прикрытый плащ-палаткой, но одна нога осталась снаружи.

Сания отвела взгляд.

— Нургалиева?

Она обернулась.

Мужчине, стоявшему перед ней, было около тридцати пяти. Худое лицо, обветренная кожа, выцветшая гимнастерка. На левом рукаве темнело старое пятно. Говорил он негромко, но люди вокруг слышали его с первого раза.

— Да.

— Остальные стрелки сюда.

Он назвал еще несколько фамилий.

Среди подошедших была девушка примерно возраста Сании, немного выше ее, с темными волосами, убранными под пилотку. Пока остальные доставали документы, она успела оглядеть дорогу, разрушенные дома и посадку, откуда они приехали.

Мужчина быстро просмотрел бумаги.

— Старший лейтенант Воронцов. Пока будете при роте. Сначала освоитесь на участке, потом посмотрим, кого куда. Сапарова, Нургалиева, будете работать вместе.

Девушка повернулась к Сании.

— Майя Сапарова.

— Сания.

Майя улыбнулась.

— Из Казахстана?

— Из Алма-Аты.

— А я из Семипалатинска.

В ее улыбке появилось что-то почти довольное.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Дома между нами тысяча километров, а встретились здесь.

Она сказала это не как повод продолжить разговор, а как забавный факт, который ей хотелось отметить. Затем поправила ремень винтовки.

— Тебе с какой стороны удобнее?

— Справа.

— Тогда я слева.

Воронцов уже двинулся вперед.

Майя пошла за ним.

Сания задержалась на секунду и тоже пошла.

На учебных схемах линия обороны действительно была линией.

Здесь никакой линии не существовало.

Траншеи шли неровно, то углубляясь, то становясь настолько мелкими, что приходилось пригибаться. Ходы сообщения пересекались, где-то стены укрепляли досками, где-то земля осыпалась прямо под сапогами. Из ниш торчали ящики, винтовки, шинели, кружки. Возле одного поворота лежал разбитый котелок. Чуть дальше кто-то сушил портянки на проволоке.

Люди появлялись и исчезали за изгибами земли.

Воронцов остановил новичков.

— Выше бруствера без необходимости не подниматься. Ночью тоже. Особенно ночью.

Впереди хлопнул одиночный выстрел.

Через мгновение пуля ударила в верхний край траншеи, сбив землю.

Сания пригнулась вместе со всеми.

— Не по нам, — сказал Воронцов.

Он продолжил идти.

Осыпавшийся ком земли еще держался на самом краю бруствера. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять: если это было не по ним, значит, где-то сейчас кто-то получил пулю, предназначенную именно ему.

На стрельбище выстрел всегда заканчивался мишенью.

Здесь выстрел мог закончиться человеком, которого ты даже не видел.

В блиндаже было тесно и полутемно. На нижней полке спал молодой солдат, закрыв лицо пилоткой. У стены сидел мужчина лет тридцати и шил ремень толстой иглой.

— Бекен Жумабаев, — сказал Воронцов. — Покажешь им сектор.

Мужчина поднял голову.

Лицо было спокойное, немного усталое.

— Подготовка есть?

— Есть.

— Боевой опыт?

— Теперь будет.

Бекен кивнул.

Парень на полке снял пилотку.

— Савельев Петр.

Он сел и пригладил волосы.

— Если Бекен будет рассказывать обо мне плохое, половина неправда.

— А вторая половина? — спросила Майя.

Петр задумался.

— Там сложнее.

Бекен снова занялся ремнем.

— Вторая хуже.

Майя рассмеялась.

Не громко и не долго. Сания заметила, что улыбка у нее появлялась легко, но Майя не держалась за нее, будто обязана постоянно поддерживать настроение.

Воронцов ушел.

Сания начала устраивать вещи. В глубину вещмешка положила жестяную коробку Нюры, потом письма и документы. Нюра написала ей уже трижды. Первое письмо было почти полностью посвящено Колиным новостям, работе, соседке, которая опять что-то сожгла на кухне, и слухам о том, что осенью общежитие будут утеплять.

В самом конце стояло:

ЖИВА?

Сания ответила:

Жива. Подготовка идет. Все нормально.

Через неделю получила:

Я просила хотя бы два слова, а не установила верхний предел.

Третье письмо начиналось:

Раз ты не умеешь рассказывать, буду спрашивать. Что ешь? С кем живешь? С кем ругаешься? Кто тебя раздражает? Есть ли там кто-нибудь нормальный?

На последний вопрос Сания тогда не ответила.

Теперь, убирая письмо в вещмешок, она подумала, что пока не знает.

— К стене лучше не ставь, — сказал Бекен. — После дождя вода пойдет.

Сания переставила вещи.

— Спасибо.

— Спасибо скажешь, когда сухими останутся.

Майя, устраивавшаяся рядом, достала из кармана свернутый лист бумаги.

— А письма где отправляют?

— Завтра покажу.

— У тебя часто уходят?

— Как получится.

— Мне часто надо.

Петр усмехнулся.

— Жених?

Майя посмотрела на него.

— Мама. Отец. Бабушка. Две сестры. Два брата.

Петр немного растерялся.

— Все в одном письме?

— Иначе к концу войны закончу только первую неделю.

Бекен тихо хмыкнул.

Майя тем временем уже искала карандаш.

В первый день их не допустили к самостоятельной стрельбе.

Бекен вывел обеих на наблюдательную позицию.

Перед ними лежал большой участок земли, который сначала казался почти пустым. Остатки деревни, дорога, несколько строений, край посадки, поваленное дерево, кусты, чужая траншея дальше.

— Смотрите, — сказал Бекен.

Сания взяла бинокль.

— Что именно?

— Все.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Он лег рядом.

— Сегодня запоминаешь, как выглядит участок. Завтра ищешь, что изменилось.

Постепенно общая картина начала распадаться на отдельные детали.

Разбитая телега возле дороги.

Ствол дерева, расщепленный почти пополам.

Крыша сарая с провалившимся левым краем.

Белый камень у канавы.

Три куста.

Полуразрушенный дом.

Еще один дом дальше, почти целый, с четырьмя окнами.

Сания запоминала.

Майя достала маленький блокнот и начала рисовать.

— Дом кривой.

Майя не отрывалась от бумаги.

— Я не архитектор.

— И дерево у тебя выше дома.

— Оно мне важнее.

— Почему?

— Дом никуда не уйдет.

— Дерево тоже.

Майя подняла глаза.

— Значит, оба надежные.

Бекен коротко усмехнулся.

После этого они почти час молчали.

Майя действительно умела молчать. Не ждала, что паузу кто-то заполнит. Не спрашивала Санию о семье, детдоме или почему она сидит отдельно. Иногда уточняла расстояние, один раз показала на дым вдаль, потом снова смотрела в бинокль.

Сания обнаружила, что рядом с ней легко.

Не потому, что Майя была тихой.

Потому что ее тишина ничего не требовала.

Вечером ели возле блиндажа.

Сания села у стены. Через несколько минут Майя устроилась рядом, поставила котелок между коленями и протянула ей кусок хлеба.

— У меня есть.

— Вижу. Этот больше.

— Тебе самой хватит?

— У меня дома два младших брата. Я всю жизнь умею делить так, чтобы мне тоже осталось.

Сания взяла хлеб.

— Спасибо.

— Вот теперь можешь.

Петр сидел напротив и писал письмо, положив бумагу на колено.

Бекен посмотрел на него.

— Мать?

— Да.

— Вчера же писал.

— Вчера не отправил.

— Почему?

Петр некоторое время молчал.

— Не знаю, что ей говорить.

Майя перестала есть.

Петр заметил.

— Ты что пишешь?

— Что жива.

— Этого мало.

— Для моей мамы нет.

— А про фронт?

Майя немного подумала.

— Пишу, что кормят. Что у меня сухие ноги. Что люди рядом нормальные.

— А если ненормальные?

— Выберу тех, кто нормальный, и напишу про них.

Петр улыбнулся.

Потом взгляд его стал серьезнее.

— Моя мать спрашивает, страшно ли.

Бекен поднял голову.

Петр провел пальцем по краю бумаги.

— Если напишу, что страшно, она спать не будет. Если напишу, что не страшно, совру.

Бекен спокойно сказал:

— Напиши, что боишься и делаешь, что надо.

Петр посмотрел на него.

— Так можно?

— Ты сейчас здесь сидишь?

— Здесь.

— Значит, можно.

Сания перестала жевать.

Бекен заметил ее взгляд.

— Чего?

— Ничего.

— У меня жена тоже спрашивает.

— И что вы отвечаете?

— Что хочу домой.

Петр засмеялся.

— Вот это боевой дух.

Бекен посмотрел на него без улыбки.

— У меня двое детей. Я сюда не умирать приехал.

Петр замолчал.

— Я тоже.

— Хорошо.

Бекен вернулся к еде.

— Значит, у нас уже двое разумных.

Майя посмотрела на Санию, но ничего не сказала.

И за это Сания была ей благодарна.

На следующий день минометный обстрел начался около полудня.

Сначала Сания слышала звук, похожий на короткий свист.

Бекен резко сказал:

— Вниз.

Первый разрыв пришелся впереди.

Второй ближе.

Земля под локтями дрогнула. Со стенки осыпались комья. Где-то дальше закричали, звали медика.

Несколько минут мир состоял из свиста, ударов и земли.

Потом все прекратилось.

Майя поднялась первой.

Она смотрела на проход между двумя участками траншеи.

— Третий раз.

Воронцов, проходивший мимо, остановился.

— Что третий?

— Минометы.

Она показала вперед.

— Позавчера попали по дороге, когда шло пополнение. Вчера накрыли участок, когда носили ящики. Сегодня снова после движения людей.

— Откуда знаешь про позавчера?

— Петр рассказывал.

Савельев из соседнего участка сказал:

— Наконец-то мои разговоры пригодились.

Бекен ответил:

— Не привыкай.

Воронцов посмотрел на Майю.

— Что думаешь?

Она не торопилась.

— Не знаю. Но если три раза быют после движения, кто-то может смотреть.

— Может.

— Тогда надо понять откуда.

Воронцов кивнул.

— Вот это уже полезно.

Он махнул Сании и Майе идти за ним.

На наблюдательной позиции показал прежний сектор.

— Три утра подряд огонь ложится слишком удобно. Смотрите дома, посадку, высоту справа. Если найдете точку, сначала докладываете. Самостоятельно не стреляете.

— Поняла, — сказала Сания.

Воронцов посмотрел именно на нее.

— Я повторю. Не стреляете.

На мгновение перед ней возник Виктор Андреевич.

Пятый патрон.
Еще одна цель.
Еще минута.
— Поняла.
Воронцов ушел.
Майя устроилась слева.
— Если найдем?
— Докладываем.
— Я не про это.
Майя уже снова смотрела вперед.
— Ты раньше стреляла в человека?
— Нет.
— Я тоже.
Несколько секунд они молчали.
— Давай сначала найдем, — сказала Майя.
Это было все.
Четыре часа наблюдения оказались тяжелее большинства упражнений на стрельбище.
Там усталость была понятной. Мышцы начинали болеть, глаза слезились, ладонь немела.
Здесь уставало внимание.
Сания дважды решила, что заметила движение.
Первый раз ветром шевельнуло кусок ткани на крыше.
Второй из-за разрушенной стены выбежала собака.
— Собака, — тихо сказала Майя.
— Вижу.
Сания опустила винтовку.
— Ты уже навелась.
— Я не стреляла.
— И хорошо.
Не упрек.
Просто факт.
Через полчаса по своему участку прошли трое солдат с ящиками.
Майя неожиданно сказала:
— Окно.
— Где?
— Дом с целой крышей. Второе справа.
Сания навела бинокль.
Ничего.
— Что было?
— Блеснуло.
— Стекло?
— Может быть.
Майя достала блокнот.
— Вчера это окно было черным.
— Солнце сейчас выше.
— Поэтому пока ничего.
Она снова легла.
Именно это ей понравилось.
Майя не пыталась доказать, что права.
Она просто запомнила.

Прошло еще около двадцати минут.
На своей стороне снова появились люди.
Майя не следила за ними.
Смотрела на окно.
Сания сделала то же.
Сначала ничего.
Потом в глубине комнаты на мгновение возникла светлая точка.
Исчезла.
Сания задержала дыхание.
— Видела?
— Да.
— Оптика?
— Похоже.
Через несколько минут начался минометный обстрел.
Первая серия легла далеко.
Вторая ближе к проходу.
Майя тихо выдохнула.
— Значит, не стекло.
Сания продолжала смотреть на окно.
— Еще не значит.
Майя кивнула.
— Надо второй раз.
Когда вернулся Воронцов, они обе указали один дом.
Он выслушал их, долго смотрел сам.
— Завтра проверим.
Сания спросила:
— Если подтвердится?
Он посмотрел на нее.
— Тогда будет цель.
Утром Майя писала письмо.
Сания проснулась от шороха карандаша.
— Опять домой?
— Вчера не закончила.
— Ты каждый день пишешь?
— Не каждый. Но если пропускаю долго, мама начинает думать, что случилось.
— А если случится?
Майя остановила карандаш.
Ответила не сразу.
— Тогда ей напишут не моим почерком.
Майя провела пальцем по бумаге.
— Поэтому пока могу, пусть приходит мой.
Она снова начала писать.
Через несколько строк сказала:
— Младшая сестра спрашивает, как выглядит фронт.
— Что ответишь?
— Что очень много земли.
Сания усмехнулась.
Майя улыбнулась ей.
— Неправда?

— Нет. Как раз правда.
— Вот. Наконец-то одна честная строка.
Она сложила письмо.
— Пойдем?
Сания поднялась.
Для проверки двум бойцам велели пройти по открытому участку, задержаться возле ящиков и быстро вернуться под прикрытие.
Бекен наблюдал другой сектор.
Воронцов лежал немного позади.
— Сапарова следит за окном целиком. Нургалиева, если цель появится, ждешь команды.
— Есть.
Люди вышли.
Первый прошел быстро.
Второй задержался возле ящиков, будто поправляя ремень.
Сания держала окно в прицеле.
Пусто.
Несколько секунд.
Блеск.
Потом еще один.
Из темноты комнаты показалась часть лица.
Лоб.
Темная полоска пилотки или фуражки.
Бинокль.
— Есть, — тихо сказала Майя.
Сания уже держала перекрестие на голове.
Человек исчез.
— Ушел.
— Он смотрел на людей, — сказала Майя.
Они ждали.
Солдаты внизу продолжали двигаться.
Через минуту человек появился снова.
Теперь чуть дальше от рамы.
Сания увидела больше.
Край лица.
Ухо.
Бровь.
Пальцы, державшие бинокль.
И неожиданно все вокруг стало знакомым.
Дыхание.
Расстояние.
Ветер.
Положение плеча.
Давление приклада.
Так было сотни раз.
Только раньше мишень не двигалась сама.
Она никогда не поправляла бинокль.
Никогда не моргала.
Человек в окне чуть повернул голову.
Сания увидела его профиль.

Он был молодым.
Не мальчиком. Просто моложе, чем она почему-то ожидала.
Она подумала об этом и тут же перестала думать.
— Цель подтверждаю, — тихо сказал Воронцов.
Палец лег на спуск.
Между этим человеком и проходом за спиной Сании существовала простая связь.
Он смотрел.
Потом падали мины.
Она знала, зачем стреляет.
Знание ничего не меняло в том, что перед ней был человек.
— Огонь.
Сания выдохнула.
Нажала.
Отдача ударила в плечо.
Человек исчез.
Первая мысль была привычной.
Промах.
Потом в окне мелькнула рука.
Бинокль ударился о раму и упал.
Майя рядом резко вдохнула.
Сания передернула затвор.
Окно осталось пустым.
Она ждала.
Еще несколько секунд.
В глубине комнаты появился другой человек.
Он нагнулся.
Сания автоматически перевела винтовку.
Еще немного.
Если поднимет голову выше...
— Отходим, — сказал Воронцов.
Сания продолжала смотреть.
Человек внутри пошевелился.
Еще одна цель.
Она могла сделать еще один выстрел.
После второго появится третий.
Потом пулеметчик.
Потом раненый.
Где ты остановишься?
Голос Виктора возник настолько ясно, словно он лежал рядом.
— Нургалиева.
Сания убрала палец.
Отвела винтовку.
Попятилась назад.
Майя уже отходила слева.
Через несколько минут они оказались в траншее.
Сания только тогда заметила, что дышит слишком быстро.
Мины все-таки пришли.
Несколько разрывов легли дальше от прохода.
Потом еще один.

Но прежней точности не было.

Воронцов послушал, выглянул, снова пригнулся.

— Посмотрим, что будет дальше.

Сания все еще держала винтовку.

— Он умер?

Воронцов посмотрел на нее.

Не сразу ответил.

— После такого попадания почти наверняка.

— Почти?

— Ты видела, как он упал. Майя видела. Я видел. Для записи этого достаточно.

Сания кивнула.

Но вопрос был не про запись.

Воронцов, кажется, это понял.

— Тебе нужно, чтобы я сказал точно?

— Да.

— Тогда точно.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты его убила.

Сания замерла.

Слова оказались тяжелее выстрела.

Воронцов не отвел взгляд.

— Иначе сегодня или завтра он продолжил бы корректировать огонь. Это не делает его не человеком и не делает твой выстрел ненужным. Обе вещи могут быть правдой одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.